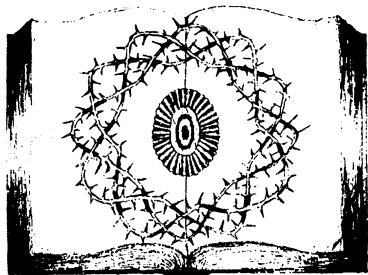

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№5 (134)

1994 г.

Прошло два года с момента возрождения в России журнала русской военной эмиграции «Военная Быль».

За это время на нашем пути было немало хорошего и плохого, злого и доброго; были открытия и потери, радость творчества и горечь разочарований; но, несмотря на все трудности, журнал живет, и это — главное.

И пусть даже количество этих трудностей не уменьшается: ведь о многих из них (хотя и не обо всех) мы знали с самого начала; знали — и все же начали. Помогло ли нам тогда непонимание реального характера возникающих перед нами проблем? Или, даже представляя их себе во всей полноте, мы все же не смогли бы дольше молчать и таить в себе наше знание о трагической и славной, столь долго скрываемой от нас судьбе Русского Воинства?

Прагматик-издатель, оценивая итоги первых лет московской «Военной Были», быть может, сказал бы, что сейчас самое время бросить это издание. Но чувства, владевшие и владеющие нами, менее всего могут быть названы прагматическими, и таковы же чувства тех, кто поверил и помог нам, кто включился в работу, кто посчитал своим, кровным делом создание правдивого русского военно-исторического журнала. И пусть даже число этих людей не так велико, — без них народ — неполный.

В портфеле редакции уже немало готовых к публикации материалов, и к нам продолжают поступать все новые и новые. И оставить эти материалы под спудом мы уже не можем, — они должны жить, — как не можем мы и обмануть ожидания всех, кто самоотверженно и бескорыстно делал и делает наш журнал.

Пока редакционная почта не очень обильна. Но есть в ней письма, которые особенно дороги нам, которые вселяют в нас силы, но и накладывают груз немалой ответственности. Это письма читателей первых номеров той, парижской «Военной Были», письма воспитанников Кадетских Корпусов, и на чужбине оставшихся Русскими. Московскую «Военную Быль» читают в Нью-Йорке и Сан-Франциско, во Франции и Венецуэле... И, конечно, самую большую радость доставляли нам письма от тех, кто знал Алексея Алексеевича Геринга, кто принимал участие в его журнале.

ОТ РЕДАКЦИИ

Отвечая на вопрос о правомочности принятия нами имени «Военной Были», председатель Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов во Франции Андрей Димитриевич Шмеман писал нам:

«Как многолетний сотрудник А.А.Геринга в его кадетской деятельности и, в частности, как его, единственный еще оставшийся в живых, помощник по составлению журнала, я могу сказать, что вы имеете ПОЛНОЕ на это ПРАВО (выделено А.Д.Шмеманом. — Ред.). А.Геринг создал журнал именно для России и, когда его издание пришлось остановить, он верил в то, что кто-нибудь на Родине продолжит это дело».

В тяжелые сентябрьские дни 1993 года старейший русский военный историк Владимир Владимирович Звегинцов, желая «Военной Были» успеха — «несмотря на все», — подчеркивал хорошее впечатление, производимое журналом. И в последующих письмах он вновь подтвердил, что и содержание, и тон московской «Военной Были» достойны журнала А.А.Геринга. О том же писали нам и другие наши соотечественники. Значит, не напрасны были наши труды, значит, нам удалось создать не просто «одноименный» журнал, но продолжение того, всем нам дорогого и близкого зарубежного издания. Значит, мы сумели сделать хоть небольшой шаг по тому пути, по которому вел свой журнал Алексей Алексеевич Геринг — к «Великой Единственной Родине», к Возрожденной и Вечной России...

И мы не можем обмануть доверия наших соотечественников, один раз уже переживших гибель «Военной Были» — и потому не имеем права бросить начатое нами дело.

Мы не можем бросить издание «Военной Были» потому, что в силах еще нести этот груз.

Мы не можем бросить издание «Военной Были» потому, что как событие, как явление отечественной истории и культуры наш журнал уже состоялся.

И, принося сегодня извинения нашим друзьям и читателям, которые хотели бы видеть выход «Военной Были» более регулярным, мы, уповая на Божью помощь, берем на себя смелость заявить: вопреки всем трудностям — «продолжение будет».

Ибо это не просто военно-исторический журнал, а «Военная Быль».

КРЫЛЬЯ РОССИИ

(Фрагменты из книги)

ГЕНЕРАЛ ТКАЧЕВ И ЕГО МЕМУАРЫ

Историко-мемуарные произведения такого масштаба и объема, как книга генерал-майора Вячеслава Матвеевича Ткачева «Крылья России» (около 25 авторских листов), к сожалению, просто не предназначены для полной журнальной публикации. Печальным примером этого является опыт московского журнала «Авиация и космонавтика», в котором с октября 1991 г. печатался один из вариантов рукописи. Очевидно, попытка публикации широкомасштабного произведения В.М.Ткачева крохотными порциями (по две-три страницы) нарушает цельность читательского восприятия и снижает впечатление от замечательной книги выдающегося русского военного летчика. В то же время нам кажется, что знакомство с отдельными, еще не публиковавшимися фрагментами из воспоминаний генерала Ткачева, выбранными по принципу тематической и композиционной их завершенности и снабженными необходимыми краткими примечаниями, вполне может помочь читателю составить представление о литературной манере автора, его позиции, симпатиях и антипатиях, а также о той роли, которую сыграл Вячеслав Матвеевич в становлении и развитии отечественной военной авиации.

Вячеслав Матвеевич Ткачев родился 24 сентября 1885 года в станице Келермесской Майкопского отдела Кубанского казачьего войска, в семье казачьего полковника. Его далекий предок, родоначальник всех кубанских Ткачевых подьесаул Андрей Ткачев получил от Императрицы Екатерины II грамоту с «дарованием потомственного дворянства» «за особые заслуги перед Родиной», что дало Вячеславу Матвеевичу основание так сказать о себе (в набросках к автобиографическим запискам): «я простой смертный россиянин знатного происхождения».

С 11 лет Вячеслав Ткачев воспитывался в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, по окончании которого он вступил в службу (30 августа 1904 года) юнкером Константиновского артиллерийского училища. Двадцати одного года был произведен в хорунжие и получил вакансию во 2-ую Кубанскую казачью батарею 1-го Кавказского армейского корпуса, стоявшую в городе Сарыкамыше.

Знак военного летчика
(носился на погонах)

Волею судеб и Военного Министра сотник Ткачев в 1910 году оказывается в Одессе в должности офицера-воспитателя кадетского корпуса. Здесь, в Одессе, и происходит его непосредственное знакомство с новой отраслью и вечной страстью человечества — авиатикой. Двадцатипятилетний кубанец безоговорочно и навсегда покоряется идее «завоевания воздуха».

Его авиационная карьера — блистательный путь от рядового военного летчика до Начальника Полевого Управления авиации и воздухоплавания Действующей армии («Авиадарм»). 19 ноября 1917 года, с разгромом большевиками Ставки Верховного Главнокомандующего, обрывается звездный час последнего русского Авиадарма. Вячеслав Матвеевич проходит с Белой армией ее трагический путь (последняя должность — начальник авиации Русской Армии, в чине генерал-майора), завершившийся изгнанием. В эмиграции генерал Ткачев становится инициатором создания Общества офицеров Российского Военно-Воздушного Флота в Югославии и председателем его Центрального правления, работает в югославской авиации, много времени и сил посвящает воспитанию русской эмигрантской молодежи. В 1944 году, приняв решение вернуться в Россию, он добровольно является к представителям советского командования. Арест, следствие, приговор ОСО — десять лет лагерей (в приговоре три пункта пресловутой 58-ой статьи). Выйдя из заключения в 1955 году, Ткачев принимает советское гражданство и получает разрешение поселиться на Кубани. До самой смерти он останется поднадзорным...

Последние десять лет жизни Вячеслава Матвеевича заполнены исключительно литературной работой. Ему удастся издать книгу о П.Н.Нестерове («Русский сокол») и опубликовать в периодике крохотные отрывки из своих воспоминаний. Первоначально мемуары носили название «Мои воспоминания о далеком прошлом русской военной авиации». Последний вариант рукописи озаглавлен «Крылья России».

Структурно рукопись состоит из трех частей общим объемом в 600 страниц машинописного текста. Каждая часть имеет четкие хронологические рамки: 1910 — 1912, 1913 — 1914 и 1914 — 1917 гг. Книга написана хорошим литературным языком, что неудивительно, ибо первая печатная работа автора увидела свет еще в начале 1914 года, да и в дальнейшем Вячеслав Матвеевич не оставлял журналистской и литературной деятельности. Даже в Сиблаге умудрялся он делать заметки к своей будущей книге.

В первом своем варианте книга была закончена к середине 1960 года. Один экземпляр отправился в мемуарный отдел Воениздата, другой — в Военно-научное общество при Доме авиации и космонавтики. Вячеслав Матвеевич писал тогда своему знакомому, что работа получила «очень хорошие отзывы». Однако весной 1961 года «Крылья» вернулись к автору в сопровождении настоятельных рекомендаций переработать написанное.

Ткачев садится за обстоятельную доделку своего труда. Не меняя основной композиции книги, он существенно расширяет обозреваемое пространство, детализирует его. Для этого он дважды (в 1961 и 1962 году) специально приезжает в Москву, чтобы сверить свою память с документами Центрального Государственного Военно-Исторического Архива. Количество проработанных им архивных дел просто потрясает. «Крылья» уже перерастают узкие рамки личных воспоминаний и превращаются в научный труд по истории русской авиации, причем высочайший уровень компетентности автора выдерживает любую, самую пристрастную критику.

В книге упомянуты все вехи и этапы отечественной авиации, сказано о месте России на всех этапах мирового процесса покорения неба, дано подробное и захватывающее описание действий Российского Военно-Воздушного Флота в годы Великой войны, а также обрисована общая обстановка на сухопутном театре военных действий. Отведено место и для описания хода воздушной войны союзников России с Германией. Но при всей масштабности приводимой картины небесных битв, — на первом месте, на переднем плане — реальные, живые, «отдельно взятые» люди молодой авиационной России: летчики, командиры, конструкторы... Более 300 человек — героев и не героев войны и

мирного неба — проходят перед читателем. Не будет большим преувеличением сказать, что «Крылья России» — это авиационная энциклопедия нашей дооктябрьской державы.

Вполне объяснимо, что, взваливая на свои плечи титанический груз, Вячеслав Матвеевич не был застрахован от фактологических ошибок (очень, впрочем, немногочисленных). К слову сказать, никто из рецензентов не заметил их по причине существенно меньшей, нежели у автора, осведомленности в рецензируемом предмете — в истории родной авиации. К сожалению, экзамен пришлось держать генералу Ткачеву не по военной авиации и даже не по литературе, а совсем по другой дисциплине. «Праведный» гнев вызвали у литературных оценщиков «идеологические орехи» белогвардейского автора: «Если бы воспоминания Ткачева В.М. писались в 1917 г., такое примитивное изложение событий могло бы быть как-то объяснено. Но в 1961 г., когда издано такое множество политической литературы, изданы гениальные труды Ленина, где *все* с предельной ясностью объяснено, такое изложение является просто недопустимым. Борьбу большевиков против продолжения грабительской войны сводить к ораторским схваткам — более чем примитивно».

И генерал-«примитивист» старается спасти свое детище (возможно, с этими его попытками связаны, например, критические замечания в адрес последнего российского Императора, к личности которого, впрочем, Ткачев мог и в самом деле не испытывать большого пиетета). Но удается ему это плохо. В ответ на посланную в Москву вторую редакцию книги он получает убийственное резюме: «Рукопись написана хорошо. Но она не полгижна, т.к. много уделено внимания тем летчикам, которые впоследствии служили в армии Деникина». Находились и еще более категоричные «знатоки» описываемой эпохи: «Рукопись по политическим и идеологическим мотивам не годна для печати». В хоре бдительных защитников идеологии тихим диссонансом звучали советы такого рода: «Очень хотел бы, чтобы Ваши «Воспоминания» увидели свет. Это будет нелегко, в чем Вы убедитесь сами, тем не менее, не опускайте руки».

Вячеслав Матвеевич и не думает их опускать: «Я пишу не для сегодняшнего дня и не в угоду правым или левым, и, наконец, не для гонорара, которым мне уж, наверное, пользоваться не придется». Он не может написать так, как ему советуют. Он физически ощущает долг перед своими собратьями по оружию, павшими на той Великой, но здесь неизвестной войне. Он — их последний Авиадарм, сделавший все от него зависящее для того, чтобы неприятель страшился русских летчиков, — он не

может уйти, не рассказав о жертвенном подвиге, который совершили его пилоты во фронтовом небе Отечества. Ткачев понимает, что если не он, то больше уже никто не расскажет обо всех и о каждом бойце из небесного войска — первого в России.

Чудом ему удается в марте 1964 года напечатать в «Огоньке» (!) главу из своей книги — о первом в державе групповом маршрутном перелете, совершенном нестеровским звеном в 1913 году. Но успех публикации, привлечшей к автору повышенное внимание, стал прологом непоправимого поражения. Вся заинтересованная литературно-военная рать изящно исполнила полковой маневр «все вдруг» и свирепо «отбомбилась» по Краснодарскому поднадзорному. Хорошей иллюстрацией натиска служит отрывок из письма, написанного Вячеславу Матвеевичу одним из его немногочисленных соратников: «...у нас в ЦДСА нашелся такой же «бешеный». Он, оказывается, был бойцом в корпусе Жлобы, который был разгромлен врангелевской авиацией (видимо, не без Вашего участия), и до сих пор у него при воспоминании об этом поджилки трясутся. Ну, так можете себе представить, как он бесновался и выражал возмущение — «как это, вообще, В[оенно-]И[н]т[еллектуальное] О[бщество] нячнется с таким врагом, как Ткачев!..»

В марте 1965-го Вячеслав Матвеевич получил из редакции Воениздата краткое уведомление: «Вы пишете, мы обещали издать Ваши воспоминания. Такого обещания Вам никто не давал». Конечно, не давал, если не принимать во внимание слова заместителя начальника этого издательства, сказанные не далее, чем за год до этого и переданные Ткачеву одним из самых маститых военных писателей: «Книгу Ткачева издательство берет в производство, имея о ней весьма положительное мнение»...

25 марта 1965 года Вячеслава Матвеевича Ткачева не стало. Его «естественная» смерть несколько остудила гнев литературно-авиационных кавалеристов. Другьям последнего русского Авиадарма удалось поместить его мемуары в Рукописный отдел Государственной Библиотеки имени Ленина (ныне Российская Государственная Библиотека). Виктор Георгиевич Соколов, однополчанин Вячеслава Матвеевича с незапамятных (с 1913 г.!) времен, оповещал соратников в августе 1966-го: «Получил из Библиотеки им. Ленина извещение о том, что экземпляр рукописи «Крылья России» принят в Рукописный фонд Библиотеки... Значение события — не дать уничтожить многолетний труд В.М.Ткачева...»

Уничтожить «Крылья» не удалось, но и печатать их никто не собирался. Долгие годы, связанная бечевкой, рукопись покоилась на отведенном ей месте, являясь для иных писателей «конспиративным» источником, — да еще авиационный народец, из тех,

что полубопытней, «самиздатом» ткачевским баловался. Для пушечей эрудиции.

Угадал Вячеслав Матвеевич, предположив сорок лет назад, что «если они не попадут сразу же в печь, то кто-то и чем-то из этих воспоминаний сумеет воспользоваться». Хотелось бы надеяться, что полноценное издание мемуаров выдающегося участника Великой войны не заставит читателя ждать еще сорок лет...

* * *

Предлагаемые вниманию читателя главы из книги генерала Ткачева о формировании и действиях 1-ой истребительной авиационной группы возвращают нас к лету 1916 года, когда, в ответ на мощное наступление армий Юго-Западного фронта, германское командование усилило техническое противодействие русскому прорыву. В частности, началось массированное применение бомбардировочной авиации, успешно апробированное немцами на французском театре военных действий.

«Первые налеты группами по 16 — 30 аэропланов (небывалые до того времени числа!) немцы произвели на места расположения штабов армий и наших резервов: Луцк (штаб VIII армии), Рожище (шт[аб] Особой армии) и Маневичи (шт[аб] III армии), — вспоминал В.М.Ткачев. — Эти налеты вызвали серьезное расстройство в деятельности непривычных к боевой обстановке, расположенных в глубоком тылу армейских штабов». Тяжелый урон был причинен германскими бомбардировщиками и перешедшей в наступление Особой армии: вражеская авиация наносила ощутимые удары по штабам, скоплениям резервов, позициям тяжелой артиллерии, железнодорожным узлам. «По свидетельству очевидцев, это в значительной степени ослабляло силу нашего удара на земле», — отмечал В.М.Ткачев. Во исполнение настойчивых требований штабов III-ей, VIII-ой и Особой армий «создать средства борьбы против активного наступления немцев с воздуха», была сформирована специальная истребительная авиационная группа, о действиях которой и рассказывает командовавший ею (тогда в чине есаула) Вячеслав Матвеевич Ткачев.

Главы из книги «Крылья России» печатаются по машинописной копии (прочитанной и исправленной В.М.Ткачевым), хранящейся в Рукописном отделе Российской Государственной Библиотеки (ф. 703, оп. 1, д. 3).

А.МАХАЛИН

(Публикация, предисловие и примечания)

ФОРМИРОВАНИЕ В ЛУЦКЕ 1-й ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАЦИОННОЙ ГРУППЫ

7/VIII [1916 г.]! я был вызван в Киев, где Авиадарм² объявил мне:

— Ставка просит нас создать такую авиационную единицу, которая была бы способна отразить наступление немецких бомбардировщиков. Вы, как мне известно, уже несколько знакомы с вопросами борьбы в воздухе. Я направляю в район Луцка три отряда, летающих на Моранах³, туда же пришло для перевооружения и новые французские быстроходные аэропланы. Из этих отрядов вам надлежит сформировать ударную истребительную группу и подготовить ее к предстоящей ей роли. Уверен, что вы успешно справитесь с возложенной на вас задачей и что вновь сформированная группа защитит тылы наших армий.

Из Киева я проехал на автомобиле прямо в Луцк, чтобы там на месте ознакомиться с обстановкой, в которой придется выполнять порученное мне ответственное формирование. В Луцке я явился в штаб VIII армии и доложил, что по требованию Ставки мне поручено формирование ударной авиационной единицы, которая должна будет отразить наступление наглых немецких бомбардировщиков и защитить наши тылы.

Разумеется, мой доклад был встречен с особенным удовлетворением.

— Наконец-таки! — со вздохом облегчения произнес генерал-квартирмейстер.

Из штаба армии я направился в управление VIII авиационного дивизиона, которым командовал опытный летчик капитан Г.Л.Шереметьевский. Это управление располагалось в казармах вблизи железнодорожной станции. Разрушения, произведенные здесь бомбардировкой с немецких аэропланов, были более чем внушительны. Возможно, результаты бомбардировки были бы не так ощутительны, если бы одна из бомб не вызвала в момент разрыва детонации зарытых на стационарной территории немецких снарядов.

Во всяком случае, я впервые видел столь значительные разрушения.

Гостеприимные хозяева угостили меня завтраком, вкусным кофе и сообщили мне некоторые подробности о действиях немецких бомбардировщиков

— А что же делает VIII истребительный отряд? — поинтересовался я.

— Не знаю, — пожал плечами Шереметьевский. —

После того, как погиб Пульпе⁴, мы почти не видим этого отряда. — И, посмотрев на часы, сказал: — Примерно через полчаса вы сами убедитесь, какой эффект получается от палетов немцев.

Нагрудный знак военных авиационных школ

После завтрака я решил пройти на аэродром, расположенный вблизи управления дивизиона. Со мной отправились Шереметьевский и несколько летчиков.

На окраине просторного ровного поля, поросшего густой травой, стояли совершенно открыто аэроплан-ные палатки. Зашли в одну из них, и пока я осматривал аэропланы, послышался сигнал воздушной тревоги. Я обернулся. Возле меня никого не было... Выхожу из палатки — все куда-то исчезло... И тут мне невольно вспомнился Конск, где в 1914 году немецкие разведчики бросали на наш аэродром одну-две бомбы («пугачей»). Во время тех бомбардировок мои мотористы продолжали работать возле аэропланов, а я прогуливался по полю...

Но после того, что я видел на станции и услышал от Шереметьевского, мне уже было не до «рисовки», поэтому, заслышав рев моторов приближающихся бомбардировщиков, я торопливо прилег в ближайшую канавку. Появились 16 немецких аэропланов и начали бомбить... Скажу откровенно, насколько неприятно быть не субъектом, а объектом боя. Идти навстречу опасности, бороться с нею — это захватывает, увлекает и отвлекает от чувства страха, но быть в пассивном положении, ждать своей участи... — невыносимо тяжело.

Больше всего бомб было сброшено по аэродрому, но попадания не отличались точностью. Особо результативно действовали осколочные бомбы. Благодаря длинному наконечнику, укрепленному в головке, эти бомбы взрывались над землей. Взрывной волной и своими осколками, разлетающимися почти над самой землей, они буквально косили траву и поражали все, что встречалось на пути...

Есаул В.М.Ткачев - командир XX-го корпусного авиотряда. Г.Рига, ноябрь - декабрь 1915 г.
Из фондов ОР РГБ

Эта бомбардировка подсказала мне первое решение: выбрать аэродром для формируемой группы не у железнодорожной станции, а у спокойной западной окраины Луцка, где палатки для аэропланов можно было легко скрыть и замаскировать под большими развесистыми деревьями.

Примерно в середине августа прибыли, наконец, II, IV и XIX корпусные авиационные отряды. Как начальники, так и летчики этих отрядов отличались завидными боевыми качествами, о чем свидетельствуют приведенные ниже приказы².

ПРИКАЗ

2 Кавказскому армейскому корпусу
г.дв.Марково No. 95 9 июля 1916 г.

2 корпусный авиационный отряд, включенный в состав вверенного мне корпуса 20 апреля сего года, ныне переходит в другую армию.

Беззаветная отвага отряда была отмечена командующим IV армией в приказе No. 2708 от 23 мая сего года. Вся деятельность этого отряда, проникнутая горячей любовью к делу, протекавшая в постоянном общении с войсками, высоко ценилась ими и вызвала к себе не только уважение, но и уверенность, что с помощью летчиков артиллерия проложит пехоте путь к победе.

Расставаясь со 2 корпусным отрядом, от лица службы приношу искреннюю благодарность начальнику отряда военному летчику штабс-капитану А.В.Залесскому и всем г. офицерам отряда. Молодцам нижним чинам отряда — мое сердечное «спасибо».

Командир корпуса

генерал-от-артиллерии *Мехмандаров*

ПРИКАЗ

по штабу 2 армии Западного фронта

11 августа 1916 г.

No. 680

7 августа распоряжением заведующего авиацией и воздухоплаванием в действующей армии 4 корпусный авиационный отряд передан в другую армию.

Названный отряд находился в составе 2 армии с октября месяца 1914 года и за свою почти двухлетнюю непрерывную службу принес огромную пользу армии. С особенной признательностью вспоминается доблестная самоотверженная работа отряда в сентябрьскую операцию 1915 года, когда он совместно с 2 армейским авиационным отрядом в значительной степени помог нашей армии выйти с честью из очень трудного положения. Первые лучшие снимки неприятельских позиций были выполнены самим командиром отряда штабс-капитаном Якоба-Швили при весьма тяжелых условиях зимнего полета в конце ноября 1915 года. В течение последних пяти месяцев отряд нес очень тяжелую службу разведки глубокого тыла противника и выполнял ее всегда успешно.

Летчики отряда поручик В.С.Рихтер и унтер-офицер А.Хромин, наблюдатель поручик Бехли и механик Кирс за время службы в армии погибли смертью героев. Наблюдатель поручик Лесневич, сильно разбившийся при падении с поручиком В.С.Рихтером, едва оправившись от тяжелых ранений, вновь вернулся в отряд и продолжает доблестно нести в нем службу. Летчики штабс-капитан П.О.Якоба-Швили, поручик С.А.Лебедзь, прапорщик Мальшев и унтер-офицер Н.К.Кокорин и наблюдатели штабс-капитан Поцелуев и поручик Белокуров надолго оставили по себе в рядах армии лестную память. Уверен, что и впредь отряд будет работать с таким же успехом, а за всю долгую беззаветно лихую службу в составе 2 армии от лица службы объявляю благодарность штабс-капитану Якоба-Швили и всем чинам его доблестного отряда.

Начальник штаба

генерал-лейтенант *Соковнин*

ПРИКАЗ
по XIX армейскому корпусу
№. 191-а

Двинская Погулянка 9 августа 1916 года

Прибывший в состав корпуса 21 августа 1915 г. 19 корпусный авиационный отряд, по распоряжению начальника штаба верховного главнокомандующего, получил новое назначение и убывает из состава армии.

За истекший год отряд доблестно нес боевую службу, выполнив целый ряд самых разнообразных задач, требовавших, помимо энергии, опыта и знаний, также проявления личным составом отряда особого мужества и особой доблести.

Задачи выполнены были отрядом под губительным артиллерийским, а нередко и пулеметным огнем противника, на глазах почти всех частей корпуса, бывших свидетелями неустрашимости и самоотвержения наших доблестных летчиков. Доблестная служба отряда в составе корпуса сроднила с ним части корпуса, проникнутые верой в неустрашимость, доблесть, знание дела и умение своих корпусных летчиков.

Искренне сожалея о неизбежности разлуки с отрядом, считаю долгом своим от лица службы выразить глубокую признательность начальнику отряда штабс-ротмистру А.А.Казакову⁶, летчикам — подпоручику В.В.Карпову и прапорщику Г.В.Башинскому и наблюдателям — штабс-капитану Пентко, поручику Корженко, подпоручикам — Губеру, Шишковскому и Кириллову и прапорщику Братолобову за их неизменно лихую и полезную службу, не знающую ни препятствий, ни отказа.

Спасибо летчикам охотникам Э.Х.Леману и В.Н.Шайганову и всем молодцам нижним чинам отряда.

Командир корпуса
генерал-лейтенант *Павловский*

Вслед за отрядами прибыли и аэропланы: «Ньюпор Х» с моторами «Рон» 80 л.с. и двухместные «Спады VIII» с моторами «Клерже», у которых впереди вращающихся винтов были прикреплены на трубах кабины для наблюдателей.

И получилась трагедия — ни летчики, ни мотористы не были знакомы с прибывшими аэропланами. С моторами освоились довольно быстро. В отрядах были хорошие мотористы и опытные летчики, смекалка подсказала им в сборке аэропланов, а вот как отрегулировать их — никто толком не знал!

В.М.Ткачев в период завершения работы над рукописью "Крылья России". 1963.
Из фондов ОР РГБ

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусиллов заинтересовался ходом формирования авиационной группы и приказал мне периодически, каждые 3 — 5 дней, докладывать ему лично, как у меня идут дела, причем каждый раз настойчиво требовал закончить возможно скорее формирование и подготовку группы. А все это было связано с огромными затруднениями. Летчикам необходимо было тренироваться на новых, незнакомых типах аэропланов не только в индивидуальных, но и в групповых полетах и в маневрах, чего они раньше не делали.

Имелись аэропланы, имелись пулеметы, а где и как устанавливать пулеметы на аэропланах, было неизвестно. Пришлось самим конструировать пулеметные установки и составлять соответствующие чертежи. Чтобы ускорить изготовление этих установок, я развез чертежи в различные мастерские — в Ровно, в Житомир и в Киев. А ведь этими вопросами должны были заниматься наши тыловые снабжающие органы.

Поблизости от Луцка (в м. Рожиче) в то время формировался авиационный дивизион гвардейских войск. Генерал-квартирмейстер гвардейской армии⁷ генерал-майор Геруа, проведя инспекцию авиаци-

Русские летчики у захваченного германского аэроплана. В центре - В.М.Ткачев. Осень 1914

онных частей, отдал приказ (№. 64 от 16 августа 1916 г.), в котором между прочим говорилось:

«Осмотрев 8 и 11 августа все части гвардейского авиационного дивизиона, вижу, что формирование отрядов построено почти исключительно на самостоятельности всех чинов дивизиона. Работы за отсутствием или недостатком технических средств выполняются кустарным способом. Таков придуманный слесарем 4 Сибирского авиационного отряда барабан для подачи в пулемет патронных лент. Стойки для пулеметов и другие существенные части делаются средствами и усилиями самих отрядов из подручных материалов.

Все достигнутое, на основании сказанного, должно быть приписано исключительно труду, настойчивости и находчивости всех чинов дивизиона от его начальника, увлекающего всех своим примером и любовью к дорожному делу, до последнего мастерового».

Не сидели сложа руки и наши наблюдатели (стрелки). Они по целым дням возились с незнакомыми им раньше пулеметами, проходя практически разборку, сборку, устранение задержек, калибровку патронов. Устраивали тиры, где проходили стрельбы по неподвижным и подвижным мишеням и по зонд-шарам в воздухе.

По окончании напряженного дня работы, я собирал всех офицеров, и мы сообща, путем обмена мнениями, вырабатывали тактику индивидуального и группового боя в воздухе. К сожалению, из числа всех офицеров (около 40), присутствовавших на этих собраниях, практику боя в воздухе и победы имели только 4 летчика — Казаков, я, Смирнов и

летчик XIX отряда поручик Башинский, который при помощи своего начальника сбил на своем «Депердоссене»⁸ более быстроходного «немца».

Доклады генералу Брусилову и необходимость ускорения изготовления пулеметных установок заставляли меня периодически выезжать из Луцка, но эти выезды я старался делать по ночам, чтобы не прекращать своего наблюдения за подготовкой группы.

Однажды, выслушав мой очередной доклад, генерал Брусилов крайне возмутился состоянием технического снабжения нашей авиации, и он, старик, генерал-адъютант Его Величества, не сдержался и при мне — молодом офицере (правда, мы находились в кабинете наедине) бросил довольно многозначительную фразу: «Так дальше быть не может — должны быть перемены!..»

«Какие же могут быть перемены? — подумал я, выходя из кабинета главнокомандующего. — Революция?! Но тогда мы проиграем войну».

Вот в какой страшный тупик зашла в ту пору наша Родина, руководимая бесталанным царем, утеревшим к себе доверие и уважение даже со стороны обласканных им лиц?

Для своевременного оповещения авиационной группы о переходе фронта немецкими аэропланами и о направлении их полетов над нашим тылом была впервые организована наземная сеть наблюдательных постов и служба связи севернее и западнее Луцка.

Каков будет результат формирования и действия 1-й истребительной группы, никто, конечно, предвидеть не мог. В Ставке Верховного Главнокомандующего волновались, беспокоился и Авиадарм. И он решил усилить истребительные средства под Луцком.

31 августа 1916 года я получил от него следующую телеграмму:

«В VIII армию переводятся 2-й и 10-й истребительные отряды, которые вместе с 8-м составят 2-ю группу. Сообщите ваши соображения по этому поводу и где думаете их поставить. В отрядах по 4 аэроплана. 17910.

Александр».

1/IX 1916 года я ответил:

«Всепреданнейше доношу: второй и десятый истребительные отряды вместе [с] восьмым под командой штаб-капитана Крутеня составят группу, подчиненную комавиадив 8. Все эти отряды разместю в лесу колонии Брище, разгрузка [-] Луцк. 1524.

Есаул Ткачев».

С изготовлением пулеметных установок произошла задержка, а главнокомандующий требовал, чтобы группа была боеспособна к 10/IX. К указанному сроку не удалось обеспечить готовность всей группы и пришлось удовлетвориться тем, что уже было сделано.

8/IX я вылетел во главе 8 аэропланов в сторону Владимира-Вольнска. Противник не был обнаружен, и группа вернулась на свой аэродром.

В тот же день я выехал на автомобиле в Бердичев, чтобы доложить генералу Брусилову о состоянии и боевой готовности группы. В Бердичеве меня ожидал сюрприз: приказом по армиям Юго-Западного фронта от 9/IX-1916 года No. 1483 я был допущен к исполнению обязанностей по инспектированию авиационных частей фронта, впредь до учреждения этой должности.

Таким образом интенсивное применение авиации в связи с Брусиловским наступлением в 1916 году и выявившаяся заинтересованность ее действиями в самом штабе Юго-Западного фронта привели к самочинному — приказом главнокомандующего — созданию должности инспектора авиации фронта.

В связи с моим уходом из XI армии, командующий армии отдал приказ No. 125 от 23/VIII-1916 года, в котором говорилось:

«Есаул Ткачев вступил в командование XI авиационным дивизионом 8/V с.г. За этот сравнительно недолгий период времени успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны как командир дивизиона и как военный летчик. В воздушных разведках, несмотря на сильный обстрел со стороны противника, он всегда выполнял поставленные ему задачи и давал весьма ценные сведения о состоянии тыла и фронта армии противника. Так, 22 и 25 мая, несмотря на явную опасность для жизни от массового губительного огня неприятельских зенитных батарей, он неоднократно пробивался в тыл неприятельского расположения и собирал важные сведения о противнике, тогда же, встретившись с неприятельским аэропланом, вооруженным пулеметом, вступил с ним в бой и обратил его в бегство. Разведками 19, 21, 27 июня в районе р.р. Липы и Стъри были им добыты сведения особой важности о сосредоточении в указанном районе сильной ударной группы противника, угрожавшей прорывом нашего фронта. Наконец, 1/VIII им лихо был сбит в воздушном бою австрийский аэроплан, причем аппарат и неприятельские летчики попали в наши руки.

Этими примерными делами не исчерпываются все заслуги есаула Ткачева.

Как образцовый командир дивизиона в заботах о полной боевой готовности подчиненных ему частей, он периодически совершал круговые полеты для осмотра авиационных отрядов, выдвинутых на фронт армии и благодаря его личному руководству на местах, боевая готовность отрядов всегда стояла на надлежащей высоте.

Ныне есаул Ткачев получил другое назначение и, расставаясь с ним, выражаю ему сердечную благодарность за службу на пользу армии.

Командующий армией
генерал-от-кавалерии *Сахаров*».

Здесь уместно привести и характеристику моего заместителя, данную командиром 22 армейского корпуса в приказе No. 232 от 4 сентября 1916 года:

«Командир 3 армейского авиационного отряда капитан И.П.Степанов, назначенный командиром XI авиационного дивизиона, рапортом от 22 августа за No. 2529 донес, что сдал отряд и отправился к месту нового служения. Во все время боевой жизни отряда при корпусе, в течение 9 с половиной месяцев, работа его была выше всякой похвалы и все возложенные на отряд боевые задачи выполнялись добросовестно, умело и с полной энергией, не смотря ни на какие неблагоприятные условия.

Подполковник В.М.Ткачев (в центре) — Инспектор авиации Юго-Западного фронта. Бердичев, зима 1916/1917 гг.
Из фондов ОР РГБ

Будучи сам исключительно отважным и искусным летчиком, капитан Степанов сумел передать свои качества всему отряду и заложить в него дух серьезного отношения и любви к делу, отвагу и настойчивость. В период деятельности отряда, когда он остался почти без самолетов (старые износились, а новые прибывали слишком медленно), работоспособность отряда не только не ослабла, но отряд с удвоенной энергией продолжал приносить пользу своему корпусу, совершая в один день на единственном исправном самолете по несколько разведок.

11 июня сам капитан Степанов, производя фотографирование неприятельских позиций, едва не сделал жертвою «Фоккера», выдержав с ним воздушный бой, и получил в жизненные части ап-

парата 18 пулевых пробоин...

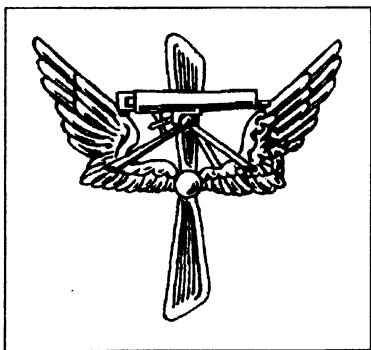
К своим исключительным качествам выдающегося летчика и отличного во всех отношениях командира авиаотряда капитан Степанов присоединил свои личные достоинства выдержанного и скромного человека, создав в семье летчиков 3 армейского авиаотряда атмосферу деловую и скромную, одушевленную любовью к своему делу.

От души желаю капитану Степанову полного успеха в дальнейшей службе, которая, как я вполне в этом уверен, будет столь же полезна для дела, какою была и вся его работа в 22 армейском корпусе...

Командир корпуса

генерал-от-инфантерии барон *Бринкен*.

ДЕЙСТВИЯ 1-ой ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ

Специальный знак истребительных авиаотрядов (носился на погонах)

13/IX-1916 года шестнадцать немецких бомбардировщиков уверенно подходили к Луцку, но были своевременно встречены 8-ю аэропланами вновь сформированной авиационной группы Юго-Западного фронта. В горячей схватке противник был рассеян и отброшен, и ни один немецкий аэроплан не прорвался к Луцку.

Хотя на этот раз все неприятельские аэропланы вернулись через линию фронта без потерь, однако эффект групповой контратаки наших истребителей (из которых многие были изрешечены пулями¹⁰) был для немцев настолько чувствителен, что они уж больше не показывались в нашем глубоком тылу и перенесли свои нападения сперва на линию штабов корпуса, потом дивизий и, наконец, на линию фронта.

В течение сентября наша авиационная группа провела около 40 воздушных боев, сражаясь или полным составом, или более мелкими соединениями. В результате было сбито 3 «немца», спустившихся в наш тыл, а несколько аэропланов противника, в том числе и одна «двуххвостка»¹¹, выходили из боя, падая или снижаясь в собственном тылу. Наши потери за это время — 1 аэроплан.

26/IX я с полным удовлетворением писал в приказе: «Лихие действия славной авиагруппы заставили противника забыть Луцк».

В октябре, решив, по-видимому, что дальнейшее присутствие бомбардировочной авиации в Ковеле излишне, немецкое командование сняло свой «грозный воздушный кулак» с нашего участка фронта.

Для иллюстрации дальнейших действий 1-й истребительной группы привожу следующий приказ.

Не подлежит оглашению

ПРИКАЗ

Особой армии

27 декабря 1916 года

№ 386

20 декабря 8 самолетов фронтовой авиагруппы капитана Якоба-Швили вылетали для боя и фотографирования. Во время полета самолеты выдержали 4 боя, причем 2 неприятельских самолета было сбито; один прапорщиком Н.К.Кокориным, другой старшим унтер-офицером И.В.Смирновым с наблюдателем штабс-капитаном Пентко.

Неприятельские летчики (3 офицера и 1 унтер-офицер) убиты ружейными пулями в воздухе.

Летчик прапорщик Н.К.Кокорин сбивает уже второй самолет.

Самолеты группы капитана П.О.Якоба-Швили сбивают за короткое время третий самолет, что не могу приписать только относительно высокому качеству

истребителей, которыми снабжена группа, но и работоспособности и доблести личного состава.

С особым удовлетворением отмечая это обстоятельство, от лица службы благодарю отличившихся летчика прапорщика Н.К.Кокорина и наблюдателя штабс-капитана Пентко, летчику И.В.Смирнову объявляю спасибо, а капитана П.О.Якоба-Швили благодарю за организацию преследования неприятельских самолетов.

Вр[еменно] командующий армией
генерал-от-инфантерии *Балуев*

Итак, если борьба в воздухе в начале войны велась русской авиацией только от случая к случаю, партизански, по инициативе таких летчиков, как Нестеров и другие, то действиями 1-й истребительной группы в сентябре 1916 года было положено начало организованного применения русской истребительной авиации.

Здесь впервые выявилась групповая тактика и определилось значение господства в воздухе.

Интересно подчеркнуть, что под Луцком в сентябре 1916 г. повторилось примерно то, что произошло в феврале того же года под Верденом: наша истребительная авиация полностью обезопасила тылы русских войск в районе Луцка от ударов с воздуха.

В конце 1916 года, после вступления в войну Румынии, образовался новый фронт — Румынский, куда были переброшены наши IV, VIII и IX армии.

VIII русская армия ушла в это время из Луцка, 2-я истребительная группа Крутения распалась, а его отряд (2 истребительный) был передан XI армии.

10-й истребительный отряд попал на Румынский фронт.

17/1-1917 г. из Луцка на юг была переброшена и 1-я истребительная группа. На новом участке фронта она, как и под Луцком, так же надежно прикрывала наш глубокий тыл от неприятельских аэропланов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все даты приведены В.М.Ткачевым по старому стилю.
2. Авиадарм — сокращенное (телеграфное) название высшей командной должности в Российском Военно-Воздушном Флоте, существовавшей до ноября 1917 года. Полное (уставное) наименование этой должности в описываемое время (когда ее занимал Великий Князь Александр Михайлович) — «Заведывающий авиацией и воздухоплаванием в Действующей армии».
3. «Моран» — название нескольких типов аэропланов, стоявших на вооружении Военно-Воздушного Флота России. В начале войны «Мораны» выгодно отличались от других французских типов своей быстроходностью (150 км/ч), хорошим обзором вниз и вперед, удобством пилотирования. Высокая скорость и хорошая маневренность «Моранов» были причиной того, что переучивали для действий на этих машинах наиболее одаренных летчиков.
4. Пульпе Эдуард Мартынович (1880 — 1916) — выдающийся российский летчик-истребитель и теоретик авиации, ученик Н.Е.Жуковского. В 1907 г. окончил физико-математический факультет Московского Императорского Университета, учился в Германии, затем — во Франции, где окончил летную школу. В 1914 г. добровольцем вступил во французские Военно-Воздушные Силы, последний чин — лейтенант французской службы. В середине 1916 г. прибыл на русско-германский фронт, где в неравном бою героически погиб (19 июля 1916 г.). Имел несколько побед в воздухе.
5. Тексты приказов В.М.Ткачев сверял по документам Центрального Государственного Военно-Исторического Архива.
6. Фамилия этого выдающегося русского летчика в разных источниках пишется по-разному: Казаков или Коза-

ков. Мы сохраняем здесь написание, принятое В.М.Ткачевым.

7. Имеется в виду Особая армия, ядро которой составляли два гвардейских корпуса (вошла в состав Юго-Западного фронта в августе 1916 г.).

8. «Депердюссен» — моноплан, использовавшийся в основном как разведчик. Нехватка боевых самолетов в Российском Военно-Воздушном Флоте привела к тому, что на «Депердюссенах» устанавливали пулемет; несмотря на скромную скорость (110 км/ч), он прослужил до конца 1917 года.

9. Можно предположить, что этот абзац — уступка В.М.Ткачева настояниям рецензентов, требовавших «больше политичности». В окончательной редакции рукописи содержится несколько подобных, стилистически выделяющихся из основного текста, вставок, которые тем не менее не удовлетворили идеологов-от-авиации и не помогли «Крыльям» появиться в печати. Осознавая искусственный характер этих вставок, мы все же не сочли себя вправе изъять их, публикуя текст В.М.Ткачева в его окончательном варианте.

10. Произошел интересный случай с аэропланом «Спад VIII». Пулями были перебиты верхние трубки, на которых держалась впереди вращающегося винта кабина наблюдателя, и она наклонилась вперед. К счастью, пилот не растерялся и с большой осторожностью благополучно спустился на землю. (*Примечание В.М.Ткачева. — А.М.*)

11. «Двуххвостка» — здесь имеется в виду двухкилевый бомбардировщик фирмы «Сименс-Шукерт». Аэроплан подобного типа обладал мощным оборонительным вооружением, что делало его очень опасным для неприятельских истребителей.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В РИСУНКАХ Н.С.САМОКИША

"Художественный отряд" Императорской Академии Художеств. Цифрами обозначены: 1) Н.С.Самокиш; 2) Р.Р.Френц; 3) П.И.Котов; 4) П.В.Митурич; 5) П.Д.Покаржевский; 6) К.Д.Трофименко. Фотография М.П.Антокольского. 1915

Николай Семенович Самокиш (13 октября 1860 — 18 января 1944) был одним из выдающихся представителей Русской батальной живописи, высокоталантливым художником, в своих лучших произведениях запечатлевшим славные страницы истории Российской Императорской Армии.

Сын почталыона из города Нежина, он получил художественное образование в Петербурге, в Императорской Академии Художеств. За время обучения там (1879 — 1885) Самокиш был удостоен за свои работы пяти серебряных медалей и двух золотых (малой — за картину «Бой под Малым Ярославцем, 1812 г.» и большой — за картину «Русская кавалерия после атаки под Аустерлицем, 1805 г.»), по окончании же Академии молодой художник был направлен в заграничную командировку (1886 — 1889); будучи в Париже, он занимался в мастерской известного французского баталиста Э.Детайля. После возвращения из заграницы Самокиш в течение двадцати лет

работает преимущественно как график, уделяя много времени и сил книжной иллюстрации (например, к книгам «Великокняжеская и Царская охота на Руси» Н.Кутепова, 1896; «Из Украинской старины» Д.Яворницкого, 1900, и др.), проявляет себя как незаурядный анималист (изображения лошадей и сцены охоты), но главной его привязанностью остается все же батальная живопись. Н.С.Самокиш — автор многочисленных иллюстраций к полковым памяткам и историям, таким как «Апшеронская памятка» Л.А.Богуславского (1894), «Атаманская памятка» П.Н.Краснова (1900), с которым художник был лично знаком и поддерживал дружеские отношения, «История Лейб-Гвардии Финляндского полка» С.А.Гулевича (1906), «1-ый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска» А.Е.Маковкина (1907) и др.

В 1904 — 1905 гг. Самокиш в качестве корреспондента журнала «Нива» провел семь месяцев в Действующей Армии в Маньчжурии, а после окончания войны издал альбом своих рисунков и акварелей, сопровождаемых выдержками из дневника («1904 — 1905. Война. Из дневника художника», 1914). С 1911 г. Н.С.Самокиш был профессором батальной живописи Высшей художественной школы при Императорской Академии Художеств; в эти же годы он возглавлял мастерскую графики в Обществе поощрения художеств, сотрудничал в изданиях Общества грамотности. На столетний юбилей Отечественной войны 1812 года художник откликнулся большим циклом графических работ.

После начала Великой войны Н.С.Самокиш настойчиво добивается разрешения посетить Действующую Армию, и весной 1915 г. ему это было Высочайше разрешено: формируется «художественный отряд из пяти учеников батального

класса» Академии Художеств, под общим командованием Гвардии полковника Шенка, отправленный на театр военных действий «со специальной целью наблюдения и изображения картин войны» (Самокишу, как академику и профессору, были присвоены погоны полковника «при солдатской шинели, шапке и походном снаряжении»). «Отряд» несколько месяцев провел в Действующей Армии — сначала под Ломжей и в крепости Осовец, а затем на Кавказском фронте (Карс, Александрополь, Трапезунд). Немало фронтовых зарисовок Самокиша было опубликовано в 1915 — 1916 гг. в иллюстрированных журналах («Нива», «Лукоморье» и др.).

События 1917 г. застали Н.С.Самокиша в Крыму на лечении, и там же он провел все годы Гражданской войны, став свидетелем неоднократной смены власти на полуострове. К сожалению, сведения о каких-либо работах Самокиша в его любимом батальном жанре, датируемых этим периодом (1918 — 1920) отсутствуют, и это само по себе небезынтересно. В самом деле, известно, что художник пытался работать даже в гораздо более трудные времена (в конце 1920 — начале 1921 г., во время голода и разрухи), и странно было бы предположить, что три года до этого он пребывал в бездействии, оставаясь безучастным к происходившему вокруг него, тем более, что Гражданская война, с ее пестротой «одежд и лиц, племен, наречий, состояний», с ее калейдоскопом событий и многочисленными яркими картинами мужества и героизма не могла не представлять интереса для баталиста. Известно также, что представители белогвардейского командования (а среди офицеров отступившей в Крым Белой армии могло быть немало личных знакомых и почитателей таланта Самокиша) предлагали ему эвакуироваться вместе с армией (к сожалению, белоэмигрантские источники тоже молчат об этом периоде жизни Самокиша). Но художник предпочел остаться в Крыму.

Представляется необоснованным говорить о его симпатиях к Советской власти или вообще об активном восприятии революционной действительности, тем более, что предыдущее творчество и биография художника также не дают для этого повода. (Единственный рисунок на «революционную» тему был сделан Самокишем в 1905 г. — «Драгунский разъезд на Выборгской стороне»; на нем изображено убийство из-за угла

русского солдата революционером-дружинником). Но представители новой власти сами проявили интерес к прославленному художнику...

Первое время Н.С.Самокишу — первоклассному живописцу — пришлось заниматься разрисовыванием знамен частей Красной армии, оформлением красноармейских клубов и «красных уголков». Престарелый и больной, бедствовавший художник не нашел в себе сил отклонить «почетное» предложение предоставить ему паек от местной Чрезвычайной Комиссии (!), и на старости лет попал в штат Чрезвычайки, которая как раз в эти дни (лето 1921 г.) проводила в Крыму чудовищный террор, унесший десятки тысяч жизней невинных людей.

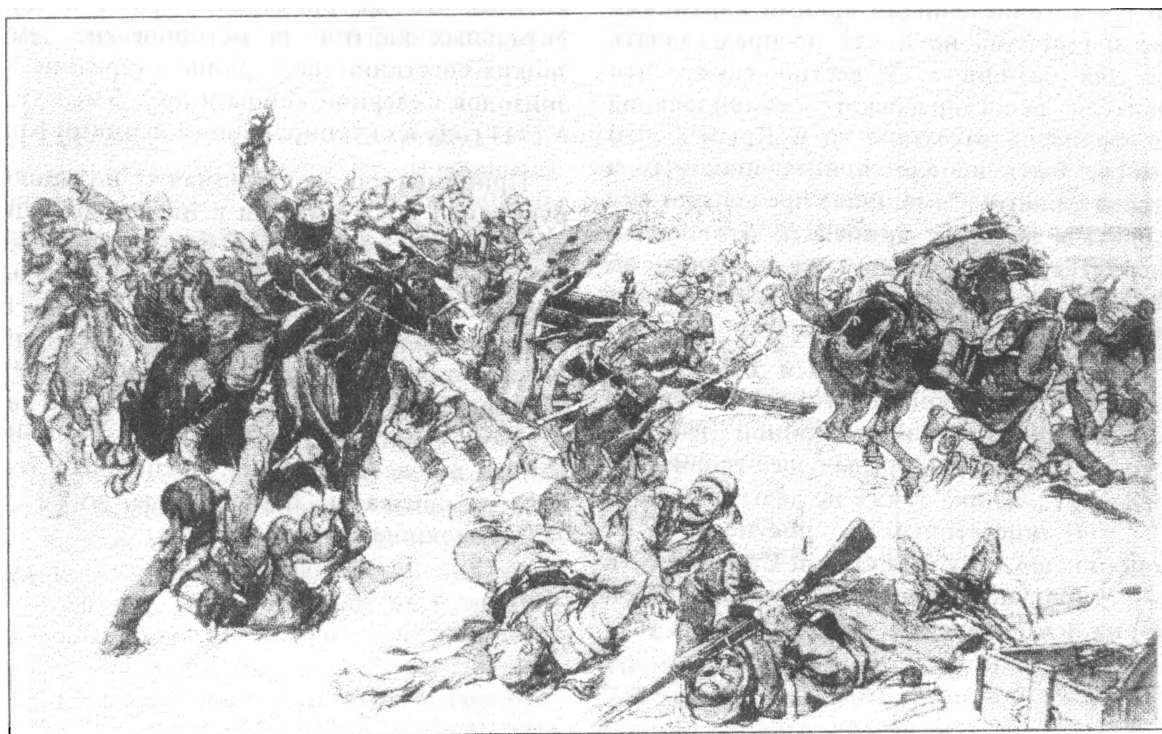
Творчество Н.С.Самокиша в последние два десятилетия его жизни шло в русле официальной идеологии, воспевая действия Красной армии и прославляя ее руководителей, в некоторых картинах доходя даже до невольной пародийности и карикатурности («М.В.Фрунзе отстреливается от нападающих белогвардейцев под Решетиловкой», 1940). За эту деятельность художник неоднократно поощрялся Советской властью (вплоть до присуждения ему Сталинской премии в 1941 г.). Но даже и в этот период Самокиш создает и картины, в которых изображает как Белых, так и Красных, не принижая одних и не возвышая других («Бой за знамя», 1922; «Поединок»; 1938, эскиз). В это же время появляется и цикл его батальных картин на исторические темы (казацких восстаний на Украине в середине XVII в., эпизодов Северной войны и др.). Умер художник в 1944 году в оккупированном немцами Крыму.

Принимая или не принимая ту позицию, которую занял Н.С.Самокиш в послереволюционные годы, нельзя не признать большой художественной и исторической ценности его предыдущих работ, особенно — сделанных по личным впечатлениям в годы Русско-Японской и Великой войн. В первую очередь это относится к творчеству Самокиша 1915 — 1916 гг., неоправданно замалчиваемому (как, впрочем, и вся история Великой войны) в советское время. Восполнить этот пробел и призваны публикуемые ниже работы Н.С.Самокиша этого периода.

А. Кручинин.

Налет кавалерии. 1915

На Кавказском фронте. 1915

Пленение неприятельского разъезда. 1915

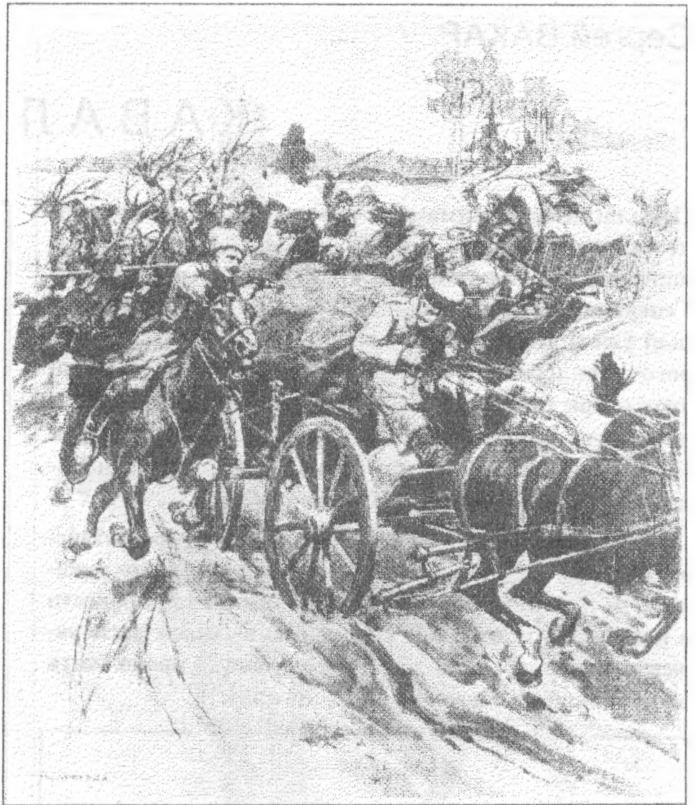
У Боржимова. 1915

Ворвались первые. 1916

Утро в окопах. 1915

Нападение кавалерии на неприятельский обоз. 1915.

В атаку. 1914

КАВАЛЕРИЯ

Предлагаемый вниманию читателей очерк принадлежит перу офицера Российской Императорской кавалерии, штабс-ротмистра 1-го гусарского Сумского Генерала Сеславина полка Сергея Вакара. Написанный уже в эмиграции, но живо передающий дух старого кавалериста — патриота своего рода оружия, этот очерк (вместе с иллюстрациями) был передан в «Военную Бль» известным русским журналистом Н.Л.Казанцевым (США), которому редакция выражает свою искреннюю признательность.

Иллюстрации к очерку также выполнены штабс-ротмистром Вакаром. Редакция «Военной Бль» сожалеет, что технические причины не позволили привести в настоящем номере все имеющиеся в нашем распоряжении рисунки С.Вакара, и намеревается продолжить их публикацию в последующих номерах.

Лейб гвардии Кирасирский Ея Величества полк

1-й гусарский Сумский Генерала Сеславина полк

Кавалерия есть род войска, обладавший до появления мотора наибольшей подвижностью, внезапностью нападения и характеризовавший маневренную полевую войну. Отсюда:

Кавалерия — царица полей,

Кавалерия — порыв, не терпящий промедления,

Кавалерия — глаза и уши армии.

Кавалерия есть рыцарство, -- и рыцарь кавалерист, с открытой грудью, искал благородный бой с войсками противника, а сменивший его авиатор предпочитает с неба сбрасывать бомбы на беззащитные головы женщин, стариков и детей.

Кавалерия есть сказка; такая же чарующая, как детские сказки про принцев и принцесс. И если сказка не может превратиться в быль, то мы сами были участниками того, как быль превратилась в сказку. И если рассказать современной молодежи про былые подвиги русской кавалерии, молодежь заслушается, но воспримет рассказ не как быль, а как былины о богатырях или как сказку о рыцарях.

Кавалерия есть дивная картина, где художник не пожалел ярких красок, брошенных широкой кистью с палитры на полотно в золотой раме.

Голубые гусары, — синие кирасиры, — желтые уланы, — гусары цвета бедра испуганной нимфы, — разве все это не красочно? И разве кавалерийский парад не есть, в полном смысле слова, картина в красках? И сколько женских глаз любовалось, и сколько женских сердец пленялось красотой этой картины!

Кавалерия — это музыка! — Вы не верите? — Но если это не так, то почти так!

Вслушайтесь в звук слов: драгуны, уланы, гусары, казаки, кирасиры, кавалергарды... Вслушайтесь, как красиво звучат, именно звучат эти слова! И разве звук этих слов не так же волнует Вашу душу, и не так же задевает струны Вашего сердца, как скрипичная серенада или как старинный вальс, исполненный на рояли?

И ни один другой род войск

- так не воспет поэтами в стихах,
- так не расписан писателями в прозе, и
- так не восхвален народным эпосом в песнях,

как бывшая кавалерия, за ее лихость, молодцеватость и стопроцентное рыцарство.

Март 1958 г.

17-й драгунский Нижегородский
Его Величества полк

В.ДУРОВ

СОЛДАТСКИЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КРЕСТЫ В 1917 ГОДУ

1917 год стал последним годом существования Георгиевского креста как общероссийской награды. Кризис власти и государственности, развивавшийся все более и более быстрыми темпами при движении России от Февраля к Октябрю, не мог не коснуться и наградной системы бывшей Империи. Одним из проявлений этого стало и то, что Георгиевский крест — боевая солдатская награда, отмечавшая исключительно подвиги на поле брани — все чаще и чаще оказывается тем или

иным образом втянутым в политику, и сегодня даже не всегда возможно установить подлинные мотивы и обстоятельства некоторых награждений.

Так обстоит дело, например, с награждением «первого героя революции» — унтер-офицера Запасного батальона Лейб-Гвардии Вольнского полка Тимофея Ивановича Кирпичникова. Принято считать, что именно с его выстрела, которым был убит начальник Учебной команды батальона капитан

Т.И.Кирпичников. 1917

Лашкевич, и начались события 27 февраля 1917 года — первого дня революции. За это Тимофей Кирпичников был награжден самым генералом Л.Г.Корниловым, тогдашним командующим Петроградским Военным округом, Георгиевским крестом 4-й степени за номером 423492. Интересно, что на фотографиях лента, к которой прикреплен выданный Кирпичникову солдатский Георгий, воспринимается как одноцветная, вероятнее всего — красная, что является первым известным нам случаем использования красного цвета для лент Георгиевских наград.

Фотографии

Кирпичникова и его награды, а также рассказ о его поступке обошли тогда всю отечественную прессу. В то же время существует версия, что капитан Лашкевич был убит другим лицом, одним из вольноопределяющихся батальона, Кирпичников же заработал своего Георгия за боевые подвиги на фронте. Его награждение действительно состоялось во время посещения генералом Корниловым Запасного батальона. К революционным же событиям Кирпичников не имел отношения, в пользу чего свидетельствует и данная ему солдатами кличка «Мордобой». Эту версию сообщил автору внук Л.Г.Корнилова Л.А.Шапрон-до-Ларрэ, передав копию записи рассказа очевидца событий, видного деятеля эмиграции генерала А.П.Архангельского. Вероятно, шум в прессе вокруг этого события был создан искусственно, а Т.Кирпичников, не сорнигировавшись в сложной обстановке своего времени, стал жертвой сделавшей из него «героя» прессы.

Трагичен и конец этой истории. Крестьянский сын Тимофей Кирпичников, произведенный в пра-

порщики, год спустя нелепо погиб. Об этом нам известен рассказ видного белогвардейского генерала А.П.Кутепова. Когда Кутепов командовал Корниловским полком (это было в 1918 году), к нему явился некий офицер, изъявивший желание служить в Белой армии. Назвав себя прапорщиком Кирпичниковым и заметив, что его фамилия не произвела впечатления, офицер достал из кармана сверток газет. Кутепов, узнав, с кем имеет дело, сказал: «А, вы тот унтер-офицер, который убил своего начальника...» и приказал расстрелять Кирпичникова ¹.

Дважды был награжден Георгиевским крестом А.Ф.Керенский. Первый раз это произошло в мае 1917 года, когда военный министр посетил фронт. От имени офицеров и солдат 8-го Заамурского пограничного пехотного полка ему был передан серебряный крест с выгравированной на нем надписью: «От 8-го Заамурского погр. пех. полк». При этом Керенскому было предложено письмо-грамота:

«Господин министр.

Граждане-офицеры и солдаты 8-го Заамурского пограничного пехотного полка, приветствуя Вас и в лице Вашем все Временное правительство, выражаем Вам, как великому борцу за свободу и первому народному вождю Русской Революционной Великой Армии свою преданность и готовность пожертвовать жизнью во имя спасения Свободной России.

Как неустрашимого героя Русской Революции, сорвавшего знамя царизма, просим принять, в знак Вашей беззаветной храбрости, солдатский Георгиевский крест.

Действующая армия. 13 мая 1917 г.

(Следуют подписи членов полкового комитета. — В.Д.)» ²

На оборотной стороне документа — приписка другой рукой:

«Но, как не сражавшийся на фронте, он не признал возможным его принять и красивым жестом передал его Ал. Ал. Брусилову».

Георгиевский крест 4-ой степени No. 423492, которым был награжден Тимофей Кирпичников

Из архива генерала А.А.Брусилова крест и письмо-грамота к нему попали в Государственный Исторический музей (Москва), где и хранятся поныне.

Второй раз А.Ф.Керенский получил солдатский Георгий, теперь уже 2-й степени, с No.27087 (по другим сведениям — No.24087) 21 мая того же года от делегации Георгиевских кавалеров 3-го Кавказского армейского корпуса. Крест этот принадлежал ранее солдату Д.А.Виноградову, который сдал его в фонд обороны. Петербургский исследователь П.К.Корнаков любезно сообщил автору этих строк, что в учетных документах Музея Революции в Санкт-Петербурге имеется запись: «Георгиевский крест 2-й степени No.24087 на красной ленте, поднесенный А.Ф.Керенскому». В настоящее время местонахождение этого креста неизвестно.

Есть сведения о том, что 25 мая 1917 года А.Ф.Керенский получил высшую, 1-ю степень солдатского Георгия. Крест был «поднесен» ему делегатом одного из Сибирских стрелковых полков.

Позднее, во время июньского наступления русских войск Юго-Западного фронта под командованием генерала Л.Г.Корнилова, Керенский снова оказался на фронте и был там с 16 по 25 июня, за что был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени, но это награждение так и осталось лишь в письме-представлении командующего Юго-Западным фронтом генерала от инфантерии Л.Г.Корнилова³.

29 июня 1917 года Приказом Верховного Главнокомандующего No.524 было объявлено Постановление Временного правительства от 24 числа того же месяца, в котором, в частности, говорилось:

«... За подвиги личной храбрости и доблести устанавливается награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами по достоинству общего собрания роты (строевой команды, эскадрона, сотни, батареи)...»

Солдатские Георгиевские кресты, присужденные офицерам, ввиду особого почетного значения этой награды и в отличие от солдатских Георгиевских крестов, полученных офицерами до производства в офицерский чин, имеют на ленте металлическую лавровую ветку по цвету креста и носят выше всех орденов, кроме ордена Св. Георгия».

Еще в сентябре изготовление «веточек» не было налажено на Монетном дворе, потому что, как сообщало в Капитул орденов начальство двора, «ювелирные работы не составляют специальности медальной части (Монетного двора. — В.Д.)»⁴. Военное ведомство попробовало делать «веточки» не металлические, а шитые. До нас дошли пробные экземпляры.

Командир 42-го пехотного Якутского полка рапортом по начальству 28 июня 1917 года попросил разрешения сделать для солдат своего полка особые ленты — комбинированные, георгиевско-красные, за бой 25 июня 1917 года, когда полк проявил стойкость и храбрость. Прилагался даже проектный рисунок

ленты, не дошедший до нас. До этого весь полк решил считать себя «ударной» частью «отказом о присвоении отличительных знаков, предоставляемых ударным частям»⁵ («ударники» носили на рукаве красно-черные шевроны в виде угла). Красная ленточка должна была указывать на то, что солдат отличился в бою 25 июня. В развитие этой мысли Капитул орденов в сообщении в Главный Штаб, правда, лишь 3 октября, предложил: «Если Военное Ведомство признает необходимым особо отличить действия 42-го пехотного Якутского полка, то, может быть, являлось бы желательным добавление к проектируемой ленте особого знака (в виде металлического перехвата с надписью — датой боя, за который награда эта предполагается к выдаче)»⁶. До нас дошли такие «знаки», но не металлические, а шитые, с двумя видами надписей: «За бой 19-11/VII-17 г.» и «За бой 19-9/VIII-17». Но эти последние проекты не были осуществлены.

После Октябрьского переворота Декретом Совнаркома от 16 декабря 1917 года «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», подписанным В.И.Лениным⁷, ордена и другие знаки отличия, в том числе и Георгиевский крест, были отменены. Но еще по крайней мере до апреля 1918 года кавалерам Георгиевских крестов и медалей выдавалось «прибавочное жалование»⁸. Лишь с ликвидацией Капитула орденов выдача денег по этим наградам прекратилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Военная Быль. No. 63, Париж, 1963, с. 46.
2. ОПИ ГИМ, ф. 137, оп.1, д. 1196, л. 2.
3. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 77, л. 187.
4. РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 1045, л. 65 об.
5. Там же, ф. 496, оп. 2, д. 2743, лл. 50 — 50 об.
6. Там же, л. 49.
7. Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957, с. 243.
8. РГВИА, ф. 2697, оп. 1, д. 88, л. 10 об.

Официально утвержденный рисунок лавровой ветки на ленточках Ордена Св. Георгия 4-ой степени, жалуемого солдатам, и Георгиевских крестов, жалуемых офицерам. 1917

ПСКОВСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС: НАЧАЛО БЕЛОЙ БОРЬБЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1918)

Герб города Пскова и
Псковской губернии

важно по окраинам Пскова. В самом городе и предместьях стояла 5-я запасная пехотная дивизия, которой командовал генерал фон-Штаден. Именно Пскову выпала судьба стать колыбелью Белого движения на Северо-Западе, у истоков которого стояла небольшая группа русских патриотов, осознавших необходимость организованной вооруженной борьбы с Советской властью.

Вопрос о создании национальной вооруженной силы поднимался перед германским командованием находившимися во Пскове русскими офицерами и общественными деятелями еще в мае 1918 г., но тогда он не встретил поддержки. Однако переговоры о формировании хотя бы небольшой армии для защиты населения области от возможного нашествия большевиков не прекращались в течение всего лета. Ключевую роль в контактах с германской военной администрацией сыграл представитель подпольной организации гвардейских офицеров ротмистр П.фон-Розенберг. Благодаря его усилиям 10 октября 1918 г. во Пскове состоялось первое совместное заседание русских и немецких представителей по выработке условий формирования Белой армии. В русскую делегацию вошли: ротмистры фон-Розенберг, Гершельман и Тарановский и общественный деятель Б.Б.Линде. С немецкой стороны прибыли Генерального Штаба майор фон-Кнейст, майор фон-Тресков, обер-лейтенант фон-Гаммерштейн и лейтенант Ниман (переводчик).

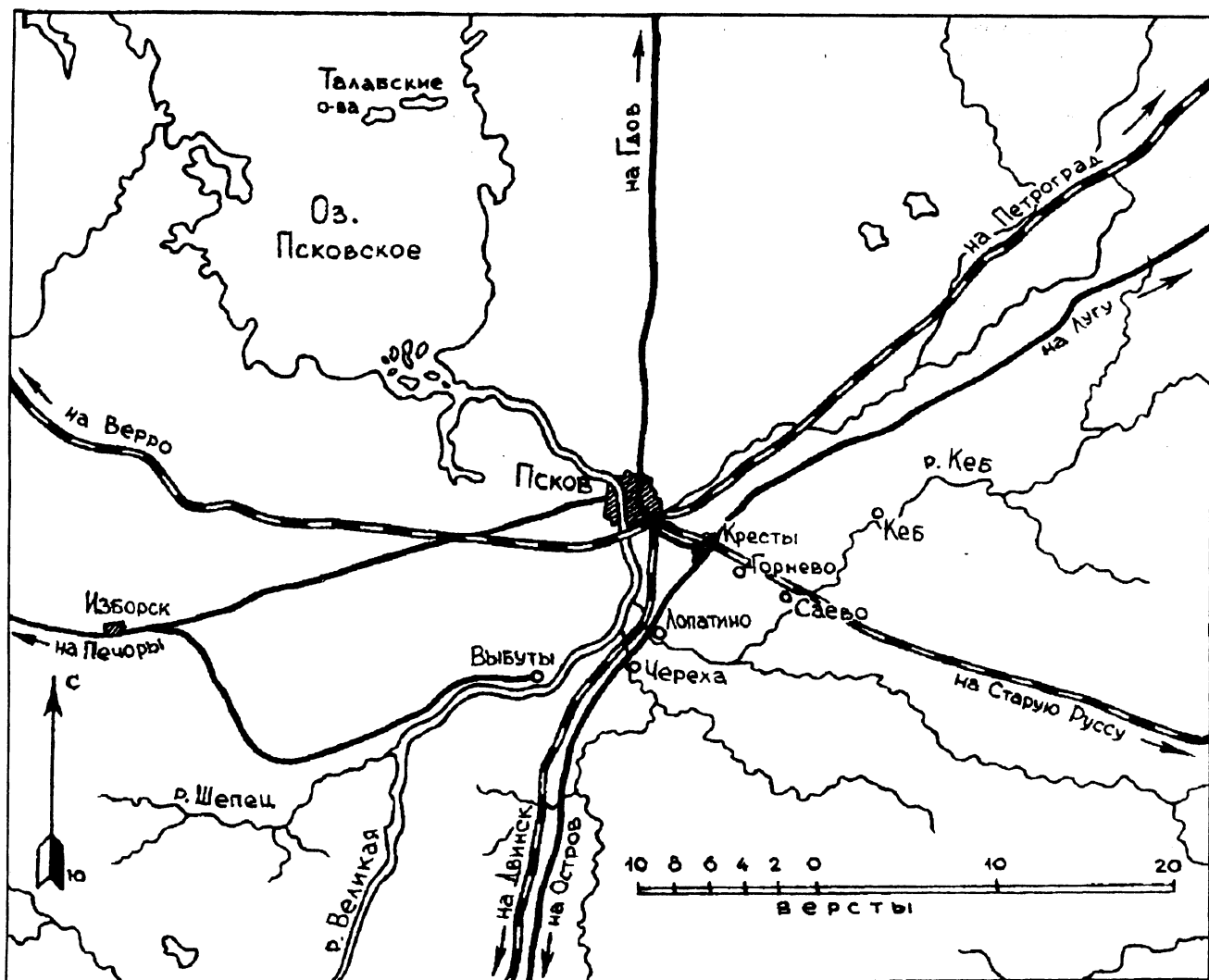
К октябрю 1918 года большая часть Северо-Запада России была оккупирована германскими войсками. Ими были заняты Курляндия, Лифляндия и Эстляндия, часть Псковской губернии вместе с ее административным центром. Граница между немецкой оккупационной зоной и Советской Россией проходила бук-

На совещании было решено сформировать самостоятельный Псковский добровольческий корпус, а впоследствии, по мере увеличения численного состава, переформировать его в Северную Армию. В качестве командующего корпусом предлагалось несколько кандидатур, однако сошлись на генерал-майоре А.Е.Вандаме (Ядрихине), бывшем сотруднике газеты «Новое Время», известном своими военно-литературными трудами, в которых он высказывался за тесный союз России и Германии. В это время он безвыездно проживал под Ревелем в имении генерала П.М.Стенбока.

10 октября (все даты приводятся по старому стилю) во Пскове начало работу первое бюро по приему добровольцев, которым ведали полковник К.К.Смирнов, капитан Гранберг и ротмистр Тарановский. Уже к концу первой недели записалось до 1500 человек (почти треть из них — офицеры). Впоследствии вербовочные бюро открылись в Острове, Двинске, Режице, Дриссе, Юрьеве, Ревеле, Нарве, Либаве, Валке, Риге и Митаве. По деревням послали агитаторов.

Русско-германская комиссия провела еще четыре заседания, в ходе которых были определены окончательные условия формирования Северной Армии. Районом формирования германское военное командование определило оккупированные части Псковской и Витебской губерний с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск. Армия комплектовалась главным образом из местных русских офицеров, перебежчиков из Советской России, а также военнопленных, находящихся в Германии. В качестве командующего Армией с диктаторскими полномочиями предполагалось пригласить русского генерала с популярным боевым именем — Н.Н.Юденича, В.И.Гурко или графа Ф.А.Келлера. Финансирование, вооружение, обмундирование и снаряжение Белой армии взяли на себя немцы, зачитывая свою помощь в долг будущей освобожденной России.

По окончании формирования Армия должна была быть приведена к присяге законному Императору и Русскому Государству. На формирование был дан срок не менее двух месяцев, после чего Северная Армия считалась приведенной в полную боевую готовность. По формировании Армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским.

Район формирования и действий Псковского добровольческого корпуса

Главной целью Белой вооруженной силы была защита Пскова от вторжения Красной армии, наступление на Петроград и свержение большевистского правительства, а в целом — водворение порядка во всей России и поддержка законной русской власти, для чего по занятии столицы предполагалось ввести военную диктатуру (диктатор — командующий Северной Армией).

На заседаниях комиссии представители германского командования сообщили, что в распоряжение Армии, из расчета на 50 тыс. человек, ими отпускается 110 млн. рублей, 60 тыс. русских винтовок и 20 млн. патронов к ним, 500 пулеметов, 4 легких и 25 тяжелых орудий, 2 бронепоезда и 4 аэроплана. Склады следовало расположить в Изборске. Однако данные обещания остались невыполненными. В действительности за все время сотрудничества немцы выдали корпусу только 4 млн. рублей, 5 — 6 тыс. винтовок, из которых три четверти оказались не-

годными, 8 легких и 8 тяжелых старых испорченных орудий, некоторое количество полевых кухонь и повозок. Бронепоезда, сначала переданные белым, затем были отобраны и увезены из Пскова в Валк.

Принципы, на которых строился Псковский добровольческий корпус, были следующими. Добровольцы подчинялись исключительно русскому командованию. Военские уставы были взяты в том виде, в каком они существовали в Российской Императорской Армии, с некоторыми изменениями, принятыми, впрочем, и в Добровольческой Армии генерала А.И.Деникина. В частности, вместо выражения «нижний чин» было введено «доброволец» или по роду оружия. Обращение к солдатам устанавливалось исключительно на «Вы». Титулование офицеров отменялось (это правило не касалось генералов). Были расширены и некоторые общегражданские права солдат.

Поскольку служба в корпусе была добровольной, допускалось право оставления его рядов (с подачей заявления по команде) в любое время, за исключением моментов «непосредственной угрозы со стороны противника». Для офицеров были учреждены суды чести.

Добровольцам выплачивалось жалование, размер которого определялся в зависимости от чина и должности. Рядовой получал 90 руб., фельдфебель — 200, офицеры — от 600 (младший офицер) до 1200 (командир полка). Были предусмотрены также единовременные выплаты за выслугу (одинаковые для солдат и офицеров): 2000 руб. за полгода службы, 5000 — за год. Раненым выдавалось пособие, а в случае гибели добровольца его родственники получали 20.000 руб.

17 — 18 октября белогвардейцами были проведены первые партизанские операции. В их руки попали богатые трофеи: винтовки, пулеметы и обмундирование. Тогда же, с помощью флотилии из пяти вооруженных 75-мм орудиями пароходов, был ликвидирован гарнизон красных на Талабских островах.

21 октября на первом совещании командного состава корпуса, на котором присутствовали генералы Вандам, Малявин, Никифоров, дежурный штаб-офицер подполковник Гильберт, армейский инженер подполковник Розанов, инспектор артиллерии подполковник фон-Борделиус и командиры пехотных и артиллерийских частей, была утверждена структура Псковского добровольческого корпуса Северной Армии. Во главе Армии должен был стать генерал граф Келлер (впоследствии злодейски убитый петлюровцами в Киеве). До его приезда обязанности командующего временно исполнял генерал-майор Вандам. Были сформированы:

штаб корпуса (начальник штаба — Генерально-го Штаба генерал-майор Малявин);

Отдельная стрелковая дивизия (начальник — генерал-майор Никифоров) в составе 1-го Псковского (полковник Лебедев), 2-го Островского (полковник Дзержинский) и 3-го Режицкого (полковник фон-Неф) добровольческих стрелковых полков;

артиллерийский полк двухбатарейного состава (полковник Исаев);

инженерная рота;

команда бронепоезда.

Для чинов корпуса была установлена форма стрелковых частей Российской Императорской Армии. Офицеры носили погоны золотого или серебряного (инженерная рота) галуна с малиновым просветом и кантами, а солдаты — погоны защитного цвета с малиновой шифровкой: «1.Пс.», «2.О.», «3.Рж.» (1-й Псковский, 2-й Островский, 3-й Режиц-

кий стрелковые полки) и «Пс.к.» (для чинов штаба корпуса). Артиллеристам и саперам были присвоены шифровки «1.Пс.» со специальным знаком (скрещенные пушки и кирка с лопатой, соответственно). Отличительным знаком Северной Армии стал шеврон цветов русского национального флага, который носился на левом рукаве углом вверх. (Особую форму имел впоследствии вошедший в состав корпуса конный отряд Булак-Балаховича: серебряный прибор, погоны — синие в 1-м и малиновые во 2-м дивизионе, с желтой окантовкой; желтый кант был и на серо-синих шароварах).

Псковский полк, артиллеристы и ряд запасных команд квартировали во Пскове, в Завеличье, в казармах 96-го Омского пехотного полка. Островский и Режицкий полки стояли соответственно в городах Остров и Режица.

На призыв записываться добровольцами первой откликнулась интеллигентная молодежь Пскова. Неудивительно поэтому, что, к примеру, артиллерийский полк почти полностью был укомплектован гимназистами, реалистами, студентами, кадетами и юнкерами. Кадровых офицеров было немного.

В конце октября — начале ноября корпус пополнился еще несколькими отрядами. 26 октября к белым перешел один эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка (из состава 3-й Петроградской советской дивизии) под командованием подесаула Б.С.Пермикина (400 чел., 2 орудия и 8 пулеметов). Тогда же ротмистр С.Н.Булак-Балахович привел из Красной армии свой Лужский партизанский конный полк (два дивизиона, всего 446 чел., 270 лошадей, 2 орудия и 10 пулеметов). Кроме того, из Киева прибыл кадр 53-го пехотного Волынского полка под командованием Генерально-го Штаба подполковника Д.Ветренко, сформированный в рамках Южной Армии.

С начала ноября Северная Армия обзавелась своими собственными деньгами, которые были прозваны местным населением и добровольцами «вандамками». Всего было выпущено купюр 50-рублевого достоинства на 5 млн. рублей.

После того, как в ноябре 1918 г. в Германии вспыхнула революция, ситуация во Пскове и вокруг него стала меняться в худшую сторону. Начавшееся среди немецких солдат брожение резко снизило боеспособность 5-й запасной дивизии и сказалось на обеспечении пограничного режима. В город из советской зоны стали проникать большевистские агенты, которые вели разведку, подготавливали восстание черни, за бесценно скупали у немцев оружие и снаряжение. Белых же сил оказалось явно недостаточно для эффективного поддержания порядка во Пскове и пресечения подрывной дея-

тельности красных, быстро нашедших общий язык с полуразложившимися «геноссе» и «камерадами».

15 ноября в результате разногласий среди командного состава корпуса с занимаемых должностей ушли генерал Вандам (формально «по болезни»), его начальник штаба генерал Малявин и начальник стрелковой дивизии генерал Симанский (сменивший на этом посту генерала Никифорова в конце октября). До приезда графа Келлера своим преемником Вандам назначил полковника Г.Г.фон-Нефа. Исполняющим обязанности начальника штаба стал ротмистр фон-Розенберг.

Фон-Неф вступил в командование Псковским добровольческим корпусом 18 ноября. Весь район формирования Северной Армии был вскоре им объявлен на осадном положении, т.к. уже к 21 ноября все пограничные германские войска отошли вглубь территории, бросив границу. Несмотря на то, что в боевой деятельности белых имелся ряд успехов (рейд Чудской флотилии капитана 2 ранга Нелидова на базу красного флота Раскопель и набеги партизанского отряда поручика Данилова в районе города Остров), пришлось отказаться от обороны всего района и сконцентрировать все части на линии Псков — Остров. Фон-Неф был вынужден объявить мобилизацию: с наличным составом нечего было и думать о каком бы то ни было серьезном сопротивлении.

К 20 ноября общая численность корпуса достигла 4150 человек, из них примерно пятая часть — офицеры. Костяк Псковского корпуса составила стрелковая дивизия: 1-й Псковский с прикомандированным к нему 53-м пехотным Волыньским, 2-й Островский и 3-й Режицкий полки. Их численность колебалась от 400 до 700 штыков. Кроме того, были сформированы отряд Талабских рыбаков (до 700 штыков), Псковский артиллерийский полк (8 трехдюймовых русских пушек, 262 артиллериста), инженерная рота (85 человек), команда связи (34 человека), автомобильная команда (50 человек, 7 автомобилей), авиационный отряд (48 человек без самолетов). В отряде ротмистра Балаховича (два дивизиона) насчитывалось до 450 штыков и сабель при 2 орудиях. Совсем малочисленными были отряд внешней охраны Пскова капитана Микоши (будущий Георгиевский полк Северо-Западной Армии) и конный отряд полковника Бибикова (впоследствии прославленный Конно-Егерский полк): не более 150 человек в каждом. Столько же было в отряде полковника Афанасьева, оставшемся в Режице после того, как в конце октября Режицкий полк был переведен в г. Остров.

По истечении полутора месяцев формирования Северной Армии новобранцы еще не успели пройти

Полковник Г.фон-Неф

курса обучения. Совершенно катастрофическое положение сложилось с обмундированием. Шинелей не имело 75%, а сапог — 50% личного состава. Русские винтовки, с таким трудом приобретенные у немцев и добытые в бою, были в основном без штыков и в не очень хорошем состоянии. Последнее справедливо и в отношении пулеметов, общее количество которых, однако, достигало 36.

Не лучшую картину представляла и белая артиллерия. В 1-й батарее (капитана Смирнова) ощущался недостаток лошадей, а во 2-й (полковника барона Кельна) их не было вовсе. Из боеприпасов имелось в наличии 5000 неснаряженных шрапнелей и 1000 таких же гранат. Все 8 пушек (русские 3-х дюймовые) — с сильно изношенными стволами, что крайне неблагоприятно сказывалось на точности стрельбы. Не хватало седел, зарядных ящиков, приборов, запасных частей. Из техники в исправности был лишь один старенький легковой «Форд» (он находился при штабе корпуса для связи). Ни гаубиц, ни бронепоезда, ни аэропланов немцы так и не дали.

Почувствовав слабость противника, командование 7-й советской армии решило незамедлительно взять Псков и уничтожить Белое движение на Северо-Западе России. С востока и севера к городу началась переброска крупных сил. Стремясь

Полковник П. фон-Розенберг

перехватить инициативу, русские и немецкие военные власти 24 ноября пришли к соглашению о совместной обороне Пскова. Корпус выделил для этого все имевшиеся под рукой силы: 1-й Псковский, 53-й Волынский полки, Особый конный отряд ротмистра Балаховича, команду бронепоезда капитана Неплюева, отряд капитана Микоши и обе батареи — всего 600 штыков, 360 сабель, 8 пулеметов и 8 орудий. Командиром сводного отряда был назначен подполковник Ветренко, а общее руководство возлагалось на германского начальника и русско-германский полевой штаб, которым был разработан план операции. В тот же день немцы передали гражданское управление областью русским властям. Губернатором армейского района был назначен бывший депутат Государственной Думы барон А.А.Крюденер-Струве.

По разработанному плану, с севера прикрывать Псков брались немцы, а также Чудская флотилия. В самом городе оставался штаб корпуса и 90 сабель Особого конного отряда поддесаула Пермикина. Русскому отряду была поставлена задача оборонять Псков с востока на лесистом участке в районе ст. Нобелевский городок и Кресты. Балахович должен был, выступив из Крестов одновременно с главными силами, совершить глубокий обходной маневр на правом фланге через д. Лопатино на д. Саево и ст. Кеб. С началом рейда Ветренко наступает вдоль железной дороги Псков — Дно. Пермикину с его Талабцами было поручено на рассвете 25 ноября высадиться в устье р. Великой и опрокинуть правый фланг красных на

Гдовском направлении. В дальнейшем соединенный белый отряд должен был двигаться на север, имея заслоны в сторону Гдова и Старой Руссы.

К утру 25 ноября отряд Ветренко сосредоточился в пос. Кресты. 2-я батарея, ввиду отсутствия конных упряжек, была оставлена в самом Пскове, в Завеличье. Бой начался в 10 ч. утра, когда 1-й батарее, выдвинутой на открытую позицию на шоссе Луга — Остров, пришлось выдержать ожесточенную дуэль с бронепоездом противника, а после того, как он был сильно поврежден и покинут командой — с броневым автомобилем. Белая пехота залегла на опушке леса. Одновременно Балахович с приданным ему отрядом капитана Микоши начал обходное движение.

В 11 и 12 ч. на позиции Ветренко красные обрушили шквальный огонь. При поддержке броневиков двинулись вперед отборные коммунистические и матросские роты, но были отбиты и с большими потерями откатились назад, к д. Горнево. В половине четвертого под прикрытием бронепоезда и нескольких бронеавтомобилей противник снова поднялся в атаку. Закипели рукопашные схватки, причем белым приходилось отбиваться одними прикладами — штыков у них не было. Особенно сильные потери понесла команда Неплюева, оказавшаяся в самом пекле боя, к тому же не имевшая шанцевого инструмента.

Тем временем из Пскова поступали тревожные сообщения. Немцы не сдержали своего слова и даже не заняли свой участок обороны. О Балаховиче также не имелось никаких сведений. В самом городе штаб корпуса принял ошибочное решение вооружить население для отпора красным. На деле же этим воспользовались большевистствующие элементы и тайно проникшие во Псков красноармейцы.

Несмотря на героическое сопротивление добровольцев, участь Пскова к вечеру 25 ноября была решена. Красным удалось скрытно высадить десант с бронепоезда у ст. Нобелевский городок в тылу отряда Ветренко, отрезав его тем самым от штаба и запасных частей корпуса. Силы были неравны, отряд таял с каждой минутой, у Ветренко осталось немногим более 300 человек — половина того, что он имел утром. Немало было просто дезертировавших. Вечером, около 7 ч., противник предпринял последнюю отчаянную атаку и сбил белых с их позиций. Ветренко решил отвести свой потрепанный отряд во Псков и перейти р. Великую по единственному мосту. Однако в городе уже хозяйничали большевики, и от этого плана пришлось отказаться. Отряд двинулся на юг, через Череху к Выбутским порогам, перешел реку вброд и заночевал в д. Бабаево. Весь следующий день прошел в тяжелых боях на «дороге мертвых», как окрестили ее доброволь-

цы. Лишь на исходе 26 ноября Ветренко удалось прорваться к Изборску, где отряд соединился с некоторыми другими отступавшими частями корпуса.

Псков окончательно был взят красными только к утру 26 ноября. До последнего держались артиллеристы 2-й батареи и штаб корпуса, вплавь, под огнем переправившиеся на противоположный берег р. Великой. Командующий фон-Неф едва не попал в плен. Те из белогвардейцев и сочувствовавшего им населения, кто не успел уйти из Пскова, впоследствии испытали на себе все ужасы большевистского террора.

* * *

В тяжелейших условиях отходил Псковский добровольческий корпус. В трескучие морозы, без шинелей и теплой обуви, добывая оружие и пропитание в бою у врага, среди неприветливо настроенного населения, умирая от ран и болезни шла в неизвестность по древней Псковской земле горстка верных чести и долгу Белых героев. Шли Островцы, Вольнцы, Псковцы, убежденные сединами полковники и безусые юнкера и кадеты, жертвенно несли Белый Крест. Это был воинству Ледяной поход. Шли, чтобы составить костяк, гвардию легендарной Северо-Западной Армии. Это было только начало их тернистого, но славного пути за Святую Русь.

* * *

К 27 — 28 ноября 1918 года остатки Псковского корпуса сосредоточились в районе г. Верро (Выру) — Печоры. Сюда же прибыл штаб и большая часть разведывательного отряда капитана Клевана. Партизаны Афанасьева, различные тыловые части и учреждения оказались отрезанными от основных сил и отступали на Ригу, куда 1 декабря для консультаций с союзниками прибыл полковник фон-Неф, согласившийся перейти с корпусом на службу Эстонии. Одновременно велся дипломатический зондаж делегацией от Северной Армии в составе фон-Розенберга, полковника Родзянко, ротмистров Гоштовта и Светлейшего князя Ливена в Риге и Либаве на предмет перевода всей северо-западной Белой организации в Латвию, в район Ли-

бавы — Митавы. Вопрос стоял в выборе союзника в борьбе с большевизмом: Англия или Германия?

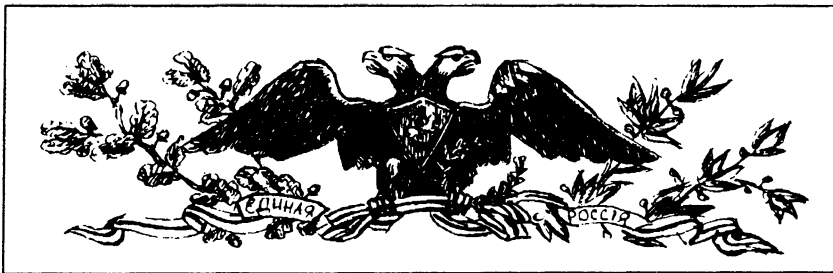
В результате 6 декабря между командующим Псковским корпусом полковником фон-Нефом и Эстонским правительством в лице помощника военного министра Т.Юрине был заключен договор о совместной борьбе с большевиками и анархией. Со стороны корпуса было сделано обещание не вмешиваться во внутренние дела Эстонской Республики. На время пребывания на ее территории русская белогвардейская армия, численность которой ограничивалась 3500 чел., поступала в подчинение эстонского главнокомандующего генерал-майора Лайдонера. Корпус принимался на эстонское довольствие, которое зачислялось как долг будущей России. Основным направлением его действий был определен район Верро — Псков.

К этому времени командование 7-й советской армии, решив, что с Псковским корпусом покончено, основной удар направило против Латвийской Республики, где только что сформированное из местной немецкой и русской молодежи Балтийское ополчение (Ландесвер) героически, но безуспешно пыталось сдерживать натиск красных латышских стрелков. Псковский корпус активного участия в этих боях не принимал, оставив в качестве арьергарда в районе г. Верро отряд Булак-Балаховича (отступивший от Пскова отдельно от остальных частей корпуса), Вольнский полк, отряд капитана Микоши и батальон Талабцев, прибывших из г. Юрьева, где они высадились с судов Чудской флотилии. Псковский, Островский, Режицкий полки и отряд полковника Бибикова перешли в населенный пункт Ермес, под г. Валка. В двадцатых числах декабря, прямо под Рождество, арьергард совместно с эстонскими войсками оборонял г. Юрьев, а главные силы сражались с красными латышами под г. Руэн, в северной Латгалии, что едва не окончилось для них катастрофой.

В конце декабря 1918 года Псковский добровольческий корпус Северной Армии был переименован в Северный корпус. Временно командующим корпусом был назначен полковник К.К.Дзержинский. Сильно потрепанные остатки Армии были перевезены по железной дороге в Ревель, на ст. Коппель, где началось их пополнение и реформирование.

К ИСТОРИИ КАДРОВЫХ ЧАСТЕЙ 34-ой ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В 1919 — 1920 ГОДАХ

Вариант Государственного герба, принятый на территории Вооруженных Сил Юга России

Среди редакционной почты «Военной Блвы» привлекло к себе внимание письмо московского аспиранта В.Аверьянова, в котором он, в частности, подвергает сомнению сведения о начальниках 34-ой пехотной дивизии в период обороны Крыма генералом Я.А.Слащовым, приведенные мною в статье «Неврученная награда» («Военная Бль». — No. 2 (131), апрель — июнь 1993. — Стр. 25). Автор письма считает, что генерал-майор князь Стокасимов «сроду не командовал 34-ой пехотной [дивизией], по крайней мере, до апреля 1920 года, генерал-майор Васильченко — тем паче. Оба были командирами бригад, — пишет В.Аверьянов, — а на начало 1920 года — начальниками участка, где располагалась бригада вышедшей из окружения 34-ой пехотной дивизии. Командовал дивизией в 1919 — 1920 годах генерал-лейтенант Владимир Владимирович Теплов...» Соглашаясь с В.Аверьяновым, что любые неточности «значительно снижают доверие к автору» и «принижают важность поставленной проблемы», я считаю небезынтересным вернуться к обсуждению этого вопроса; тем более, что история частей и соединений войск Новороссийской области все еще недостаточно изучена.

Прежде всего вызывает сожаление, что В.Аверьянов ничем не мотивирует свою точку зрения. Можно предположить, что он опирается на следующий отрывок из воспоминаний Я.А.Слащова, описывающий распределение частей по боевым участкам: «Крым от хут[ора] Мурза-Каяш включительно до Черного моря — ген[ерал] Васильченко — бригада 34 дивиз[ии]»¹ (заметим, что в своей книге Слащов действительно ни разу прямо не называет Васильченко или Стокасимова Начдивами 34). Но двумя строчками выше мы читаем: «Крым от Сиваша до Мурза-Каяш исключительно —

ген[ерал] Андгуладзе — бригада 13 дивизии», — а то, что генерал-майор Г.Б.Андгуладзе занимал пост Начдива 13 (а отнюдь не командира бригады), кажется, сомнениям никогда не подвергалось. Ранее (стр. 32) Слащов говорит о «рассылке ... плана обороны» — «начальникам боевых участков (начдивам 13 и 34)» (выделено мною. — А.К.).

Конечно, все вышесказанное не может являться прямым доказательством и лишь свидетельствует о том, что логика рассуждений В.Аверьянова (если она такова, как я предположил) неубедительна. Хочется также отметить, что, по моему мнению, целью книги Я.А.Слащова «Крым в 1920 г.» было отнюдь не подробное изложение хода событий, а скорее мотивировка собственных действий. Подзаголовок «Отрывки из воспоминаний», быть может, ближе к истине, чем часто считается. (Напомним здесь и о беглом упоминании самим Слащовым своей книги «Воспоминания о белом движении на юге России», никогда не увидевшей света, рукопись которой пока неизвестна). Такую особенность воспоминаний Слащова, как мне кажется, должен иметь в виду каждый исследователь, использующий их как исторический источник.

Очень скудны и документальные материалы по «Слащовскому» периоду обороны Крыма, так что здесь и вправду возможны открытия, а сам ход исторических событий зачастую приходится восстанавливать по косвенным свидетельствам. Все же, в общих чертах, историю кадровых частей 34-ой пехотной дивизии на Юге России в 1918 — начале 1920 года можно представить следующим образом.

Бывшие части 8-го Украинского корпуса, имевшие в своем составе кадры 34-ой пех. дивизии Российской Императорской Армии и сформировавшиеся при Гетмане Украины П.П.Скоропадском в Екатеринославе, не признав власти Директории Украинской Народной Республики, свергнувшей Гетмана в декабре 1918 г., пробились под командованием генерал-майора И.М.Васильченко в Крым, на соединение с Добровольческой Армией («Екатеринославский поход»). «Бывший 8-й Укра-

инский корпус» был включен в состав войск Добровольческой Армии в Крыму с 17 декабря 1918 г.² на правах отдельной бригады³. Но численность «корпуса» была слишком невелика, и вскоре, с разрешения Главнокомандующего, приказом Командующего войсками Добровольческой Армии в Крыму генерал-лейтенанта барона Боде от 30 декабря 1918 г. №. 27 было начато «переформирование бывшего 8 Украинского Корпуса, сначала в сводный батальон 34 [пехотной] дивизии, имея в виду постепенное разворачивание его в полк и дивизию»⁴. Первоначально батальон состоял из трех рот (133-го Симферопольского, 134-го Феодосийского и 135-го Керчь-Еникальского пехотных полков) и входил, в качестве 2-го батальона, в Сводный пехотный полк (1-ый батальон состоял из кадров 13-ой пех. дивизии)⁵. Формирующим батальон был назначен Генерального Штаба генерал-майор И.М.Васильченко⁶.

Весной 1919 г. батальон был развернут в Сводный полк 34-ой пехотной дивизии, командовал которым все тот же генерал Васильченко, что подтверждается многочисленными документами фонда 39660 Российского Государственного Военного Архива («Управление войск Новороссийской области») за весну — лето 1919 г. Входил этот полк в состав 4-ой пехотной дивизии (до 15 января 1919 г. — Крымская дивизия), которой командовали: генерал-майор А.В.Корвин-Круковский (с 19 ноября 1918 г. по 4 июня 1919 г.), генерал-майор Г.Б.Андгуладзе (временно командующий, с 4 по 8 июня 1919 г.) и генерал-майор Я.А.Слащов (с 8 июня по 2 августа — временно командующий, затем — начальник дивизии). Состоял Сводный полк 34-ой пех. дивизии, по всей видимости, по-прежнему из кадров 133-го, 134-го и 135-го полков (136-ой Таганрогский полк формировался отдельно в Бердянске, под руководством генерал-майора П.В.Черского, и фактически присоединился к дивизии лишь в сентябре).

Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России 20 августа 1919 г. было приказано развернуть Сводный полк 34-ой пех. дивизии в бригаду (1-ый и 2-ой Сводные полки), но в действительности разворачивание шло довольно медленно (полки все время не выходили из боев) и реально было завершено, скорее всего, не раньше второй половины сентября. В «Списке частей и управлений войск Новороссийской области, состоящих на довольствии при Интендантстве войск Новороссийской области»⁷ по состоянию на 5 ноября 1919 г. указываются (л. 50) 1-ый и 2-ой Сводные полки 34-ой пехотной дивизии (состоявшие: 1-ый — из кадров 133-го и 134-го, 2-ой — 135-го и 136-го пех. полков), общей численностью свыше 3.000 чел. (число активных штыков было, без сомнения, значительно меньше).

Во исполнение приказа Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России №. 2664, приказом войскам Новороссийской области от 21 ноября 1919 г. №. 150⁸ 4-ая пехотная дивизия была развернута в три (13-ую, 34-ую и 1-ую Сводную пехотные дивизии), причем каждый из двух Сводных полков 34-ой дивизии сформировал соответствующую бригаду. Кроме того, в состав новой дивизии была включена вновь сформированная 34-ая артиллерийская бригада (три дивизиона, состоявшие из 5-ой, 6-ой, 7-ой, 8-ой, 11-ой и 12-ой батарей расформированной 4-ой артбригады) и Отдельная Инженерная рота, кадр которой был выделен из бывшей Отдельной Инженерной роты 4-ой пехотной дивизии. Приказом Главнокомандующего от 6 декабря 1919 г. за №. 2715 (объявлен в приказе войскам Новороссийской области от 16 декабря 1919 г. №. 208)⁹, 13-ая и 34-ая пех. дивизии были сведены в 3-ий армейский корпус (впоследствии «Крымский»), в командование которым вступил Я.А.Слащов.

Все это время во главе кадров 34-ой пехотной дивизии стоял генерал-майор Васильченко. Думается, что в «Указателе имен», составленном А.Г.Кавтарадзе и помещенном в переиздании воспоминаний Слащова¹⁰, представляющем собой первую (и в силу этого не свободную от некоторых неточностей) попытку подобного справочника, — слова о генерале Васильченко «командовал бригадой в Крымском корпусе генерала Я.А.Слащова» (стр. 238) должны быть отнесены к осени 1919 г., а никак не к зиме 1919/1920. (При этом, конечно, «Крымский корпус» должен быть заменен на «4-ую пехотную дивизию»).

Выполняя приказ своего командира, 3-ий армейский корпус в конце декабря 1919 г. отступил в Крым. Значительных боев при этом не было (пехота отходила под прикрытием конной заветсы), так что утверждение В.Аверьянова о том, что 34-ая пехотная дивизия «вышла из окружения», не соответствует действительности. По распоряжению Слащова, дивизией были заняты позиции в районе Юшуни, где она составила основу «левого боевого участка» (иногда именуемого «Перекопским»), вместе с 2-ой Донской конной бригадой полковника В.И.Морозова, Отдельной (Крымской) кавалерийской бригадой генерал-майора Ю.К.Сахно-Устимовича и некоторыми другими, более мелкими частями. Начальником боевого участка приказом генерала Слащова от 8 января 1920 г. №. 62 был назначен Начдив 34 генерал-майор Васильченко, о чем он на следующий день объявил в приказе «34 пехотной дивизии и войскам Перекопской группы» за №. 6¹¹.

Но командование генерала Васильченко Перекопским участком продолжалось недолго. Уже 21 января приказом за № 9 он оповещал вверенные ему войска: «Отъезжая по болезни для лечения в Джанкой, командование дивизией и группой войск Перекопского района сего числа, согласно телеграфного распоряжения Комкор 3, сдал Генералу Князю Стокасимову»¹². Не исключено, что болезнь Начдива 34 была «дипломатической» — похоже, что Слащов был не совсем доволен его действиями во время боя на Перекопе 9 — 20 января. Генерал-майор князь Н.П.Стокасимов, бывший во время этого боя заместителем Васильченко, объявил о своем вступлении во временное командование дивизией и группой войск того же 21 января¹³.

На протяжении практически всего «Слащовского» периода обороны Крыма, Перекопским боевым участком командовал врид Начдива 34 генерал Стокасимов, за успешную боевую работу не раз удостоенный благодарности Комкора 3. (Судя по стилю приказов Стокасимова, можно предположить, что он и сам был военачальником «Слащовского» типа). Интересно отметить, что командование войск Новороссийской области (штаб генерал-лейтенанта Н.Н.Шиллинга), перебравшееся в Крым после позорной эвакуации Одессы, плохо представляло себе обстановку в войсках Крымского корпуса, которые формально подчинялись Шиллингу: так, пакет, направленный Начдиву 34 генерал-квартирмейстером Штава войск Новороссии в середине февраля (!) был адресован еще генералу Васильченко. В получении расписался, естественно, не Васильченко, а Стокасимов (22 февраля, 14 часов)¹⁴, что изобличает Штаб войск в незнании даже фамилий своих начдивов. Заметим здесь, что подобные ошибки вполне могут ввести в заблуждение современного историка, поэтому пользоваться такими косвенными свидетельствами нужно с большой осторожностью.

Поднятый В.Аверьяновым вопрос о командирах бригад 34-ой пехотной дивизии во время обороны Перекопа представляется менее ясным. Помимо уже упомянутой скудости документальных свидетельств, ситуация осложняется еще и тем, что во время боевых операций понятие «бригады» теряло смысл, так как, в соответствии с требованиями обстановки, полки зачастую объединялись по два или по три отнюдь не в порядке своих номеров (например, в середине января — 133-ий Симферопольский и 136-ой Таганрогский полки). Все же можно предположить, что в январе — первой половине марта 1920 г. 1-ой бригадой командовал полковник Карамышев, по приказу Васильченко, а позднее — и Стокасимова неоднократно объединявший в своих руках командование несколькими

полками дивизии (один из немногих штаб-офицеров Крымского корпуса, в конце марта произведенный в генерал-майоры — возможно, приблизительно в одно время с полковниками Дубяго, Морозовым, Королевым, Ключковым). После прискорбного случая перехода к противнику 93-х человек из состава 133-го и 134-го полков в ночь с 15 на 16 марта, разгневанный Слащов приказом от 17 марта 1920 г. отрешил от должности комбрига 1, назначив «на законном основании» на эту должность командира своего конвойного дивизиона, капитана (есаула) М.В.Мезерничкого¹⁵. Однако вряд ли командование Мезерничкого продолжалось дольше 23 марта (срок, установленный Слащовым для производства расследования по делу об измене в бригаде), а в конце марта — начале апреля в оперативных документах в качестве командира 1-ой бригады уже упоминается произведенный в генерал-майоры Карамышев.

Командиром 2-ой бригады 34-ой пех. дивизии был (возможно, с момента ее формирования) генерал-майор Черский, однако в январе — феврале 1920 г. он, по болезни, бригадой не командовал, что и вызвало отчисление его Стокасимовым от должности (с 9 марта)¹⁶. Тем же приказом к командованию бригадой был допущен генерал-майор Тунеберг, быть может исполнявший обязанности Черского в его отсутствие (на этой должности Тунеберг оставался, по меньшей мере, до начала апреля).

Сам Стокасимов командовал дивизией и Перекопским участком до 6 апреля, когда он был сменен на этом посту возвратившимся к исполнению своих обязанностей генералом Васильченко. (Заметим, что предписание, направленное Слащовым Васильченко 5 апреля, звучит довольно язвительно: «С получением сего предписываю Вам вступить в исполнение занимаемой Вами должности командующего 34-ой пехотной дивизией»¹⁷). Прибыв на следующий день в Армянск, где в этот момент находился штаб Перекопской группы войск, Васильченко объявил о своем вступлении в командование и приказал «состоящему в моем распоряжении Генералу Князю Стокасимову оставаться при мне»¹⁸.

В какой момент генерал-майор И.М.Васильченко был заменен генерал-лейтенантом В.В.Тепловым, пока не совсем ясно. Я.А.Слащов в своих воспоминаниях впервые упоминает фамилию Теплова (своего бывшего начальника по службе Лейб-Гвардии в Финляндском полку, а затем командира 2-ой бригады 2-ой Гвардейской пехотной дивизии) в связи с «первой Каховкой» (конец июля — начало августа 1920 г.), когда Теплов уже был Начдивом 34.

Таким образом, вопреки утверждениям В.Аверьянова, архивные данные однозначно свидетельствуют о следующем состоянии дел с командо-

ванием 34-ой пехотной дивизии в конце 1919 — начале 1920 г.: генерал-майор И.М.Васильченко — Начдив 34 с 21 ноября 1919 г. по 21 января 1920 г. и вновь — с 6 апреля 1920 г.; генерал-майор князь Н.П.Стокасимов — временно командующий, с 21 января по 6 апреля 1920 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слащов Я.А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. — М.-Лг.: Госиздат, [1924]. — Стр. 34.

2. Все даты указаны по старому стилю.

3. См. приказ временно исполняющего должность Командующего войсками Добровольческой Армии в Крыму, генерал-лейтенанта Пархомова, от 24 декабря 1918 г. No. 25. — РГВА. Ф.39660, оп.1, д.201, л.24.

4. Там же. — Л. 27.

5. См. приказ барона Боденот от 31 декабря 1918 г. No. 29. — РГВА. Ф. 39660, оп.1, д.201, л.29.

6. Там же. — Л. 27.

7. РГВА. Ф.39660, оп.1, д. 344, лл. 50 — 53.

8. РГВА. Ф.39660, оп.1, д.217, л.276.

9. РГВА. Ф.39660, оп.1, д.218, л.239.

10. В кн.: Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым: 1920 год. — М.:Наука, 1990. — Стр. 233 — 266.

11. РГВА. Ф.39696, оп.1, д.54, л.16.

12. Там же. — Л. 17. 13. Там же. — Л. 18.

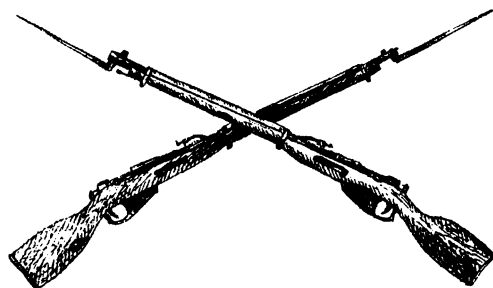
14.Пакет No.01172. —РГВА. Ф.39660, оп.1, д.257, л.14.

15. Этот приказ был опубликован под заголовком «Измена на фронте». — См., например, газету «Юг» (Севастополь). — 1920. — No. 188, 18 марта. — Стр.2.

16. Приказ 34-ой пехотной дивизии и войскам Перекопской группы от 19 марта 1920 г. No. 33. — РГВА. Ф.39696, оп.1, д.54, л.57.

17. Предписание от 5 апреля 1920 г. No. 1171, подписанное Слащовым и его начальником штаба генерал-майором Г.А.Дубяго. Этим же приказом в подчинение Васильченко поступали «все воинские части, оперирующие на Перекопском направлении». — См.: РГВА. Ф.39696, оп.1, д.54, л.77.

18. Приказ войскам Перекопской группы от 6 апреля 1920 г. No. 01. — РГВА. Ф. 39696, оп.1, д.54, л.77.

В.В.ШУЛЬГИН

ДЕНИКИН И ВРАНГЕЛЬ

В августовском совещании в Москве, в Большом театре, под председательством Керенского, как мне помнится, в одной ложе были генералы Алексеев, Корнилов, атаман Каледин и Деникин. Если это так, то тогда Антона Ивановича я увидел впервые. Затем я узнал, значительно позже, что Добровольческая армия где-то пропала, уйдя из Новочеркасска. В то время я уже имел несколько преданных офицеров, под командованием некоего Веди (это я).

Я послал их из Киева, чтобы разыскать пропавшую армию, что они и выполнили. После смерти Корнилова, 31 марта 1918 года, командование принял на себя генерал Деникин, с которым я вошел в связь. Я посылал ему... держал его в курсе того, что происходит в Киеве.

Затем в Киеве немцами поставлен был — в качестве гетмана — генерал Скоропадский.

Перед тем, как немцы поставили гетмана Скоропадского, ко мне приходил Кочубей, потомок того Кочубея, которого погубил Мазепа. Я сказал потомку:

— Мне кажется странным, что Кочубей приглашает меня на мазепинское дело.

И отказался ставить гетмана.

Главой гетманского правительства был назначен некий Кистяковский... Игорь... Он окончил Киевскую вторую гимназию, как и я.

В моем нежелании поддерживать гетманшафт Кистяковский усмотрел какую-то опасность. Мне сообщили, будто бы он собирается меня арестовать. Не ожидая этого, на совещании в Святошинском лесу, одиннадцатого июля 1918 года, было решено, что мне надо ехать на Дон, т.е. к Деникину, что и было выполнено...

В Екатеринодаре я стал издавать газету «Россия». Если память не изменяет, первый номер вышел пятнадцатого августа [1918 года].

* * *

В первых номерах были статьи за моей подписью под общим названием «Монархисты».

После этого ко мне явились некоторые офицеры, во главе, если не ошибаюсь, с Кутеповым, которые говорили в таком роде:

— Теперь мы знаем, за что мы боремся!

Но это не понравилось. Деникину.

В предыдущий период Деникин писал мне:

— Вы боретесь мужественно. Мы это ценим. Что же касается монархии, то это только форма правления. Возможна и конституционная монархия, возможна и толковая республика. 80 процентов моих офицеров — монархисты. Но казачество скорее республиканцы, а казаков — большинство в Добровольческой армии.

* * *

Так вот меня позвали на беседу... с командованием...

В свое время считался командующим генерал Алексеев, бывший главком всей Царской армии. Но он был уже стар и слаб, фактически командовал Деникин, у которого был начальником штаба Романовский, а вроде как бы правительством — генерал Драгомиров.

Все эти лица и участвовали в этой беседе... со мной...

Совещание открыл генерал Алексеев:

— Мы желали бы поговорить с Вами относительно газеты «Россия». Вот Антон Иванович (Деникин) скажет.

Он начал так:

— Мне кажется неподобающим общий тон газеты. Вы употребили слово «чернь» вместо слова «народ». Кроме того, Вы очень выпячиваете монархизм. Конечно, много офицеров-монархистов. Но у Вас выходит так, что единственная цель Добровольческой армии — восстановление монархии. Это не так. Ваша газета названа «Россия». Это — правильное название. Попираемую Россию мы и хотим восстановить. А форма правления — это вопрос второго порядка.

Выслушав это, я ответил так:

— Быть может, Вы помните, Ваше Высокопревосходительство, Михаил Васильевич, что я был в Новочеркасске, у Вас примерно год тому назад. Вы жили тогда в железнодорожном вагоне, и в Вашем письменном столе, как Вы мне сказали, было 20.000 рублей. А численность Добровольческой армии измерялась тем, что [я] записался в нее двадцать девятым. Теперь дело обстоит иначе. Касса Добровольческой армии несравненно выросла, а численность, которой я не знаю, такова, что во всяком случае, ее можно назвать армией. Это значит, что дело идет успешно. Я приехал сюда исключительно с целью помогать Добровольческой армии, ни в коем случае не мешать... Поэтому я устраниюсь... Я не буду делать скандала, я не стану закрывать только что открывшейся газеты, но я лично больше в ней писать не буду. Будут писать другие... Которые не будут Вам мешать, а будут помогать...

Наступила длительная и тяжелая пауза. Затем Драгомиров сказал:

— Мы, военные, знаем, что наилучшая форма борьбы — это наступление. Василий Витальевич Шульгин своей работой в «Киевлянине» подтвердил этот закон. Он всегда наступал смело и имел успех.

Потом заговорил начальник штаба:

— Это невозможно, чтобы Вы не писали. А кто же даст должный отпор Краснову? (Краснов в это время начал кокетничать с немцами). Да и Скоропадскому?

И опять водворилась пауза... на этот раз, решающая...

Деникин почувствовал, что сочувствие других генералов на моей стороне. Он махнул решительно рукой и сказал:

— Пишите, что хотите! Только поставьте на манжетке, что газета «Россия» — Ваше независимое издание.

На этом совещание окончилось.

Это характерно для Деникина. Он либерал был...

* * *

Прошел примерно месяц. Мы встретились с Деникиным где-то на нейтральной почве. Он подошел ко мне и сказал:

— Кубанская Рада заявила, что она закроет «Россию». Я ответил: «Попробуйте!»

Из этих слов мне стало ясно, что позиция газеты «Россия» окрепла. Она стала необходима для Добровольческой армии. Командование поняло, что бесцензурная печать, находящаяся в определенных руках, звучит гораздо убедительнее, чем печать зависимая. Да ведь надо же принять во внимание, что Антон Иванович Деникин был либерал... И по своим убеждениям стоял за «свободу»... Конечно, свобода во время войны — вещь трудная. Все зависит от того, совпадает ли тенденция свободомыслящих с направлением, взятым воюющими... В данном случае это было так.

Деникин был не только либерал, но и стоял за собственность. Как-то он пригласил меня обедать и высказался так:

— Французская революция в свое время объявила собственность священной и неприкосновенной и декретировала смертную казнь тем, кто будет на собственность посягать. А Наполеон говорил: «Если собственность рухнет, то это будет катастрофа. И я со всеми своими пушками не смогу ее восстановить». Я — убежденный собственник, хотя моя собственность ограничивается шинелью и жалованьем. Но в моих мечтах — довести Россию до того, чтобы она могла сделать какое-то волеизъявление. Это определит ее дальнейшую судьбу и форму правления. А я тогда мечтаю уйти в отставку. Получить хуторок, пятнадцать десятин, и буду садить капушту.

Таким был Деникин, мысливший свободно... поденикински...

В прошлом — командир Железной (Одесской) дивизии, затем руководитель Добровольческой армии — не по внутреннему желанию, а потому что другого не было после смерти Корнилова, — он не имел тщеславия. Хотя его и называли в шутку «царь Антон», если б ему предложили престол, он отказался бы. Чего не сделал бы Врангель... В этом было между ними существенное различие. Поэтому, в конце концов, власть и выпала из его рук...

К этому прибавлю: когда было нужно, Деникин умел хорошо говорить, но говорить не любил. Он не любил лезть на первое место. И если бы не обстоятельства, охотно был бы вторым. Он доказал это своими поступками. Он написал Великому Князю Николаю Николаевичу, находящемуся в

Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России в Донецком каменноугольном бассейне. Генералы А.И.Деникин (в центре), И.П.Романовский (справа), В.З.Май-Маевский (слева). Ст. Криничная, февраль 1919 г.

Крыму, прося его возглавить Добровольческую армию. Великий Князь отказался...

Тогда возникла мысль о подчинении генерала Деникина Колчаку. Особое совещание, которое было окружением Деникина, было против этого. И высказалось в этом направлении... Деникин, выслушав, не согласился с этим и написал Колчаку письмо, что он ему подчиняется.

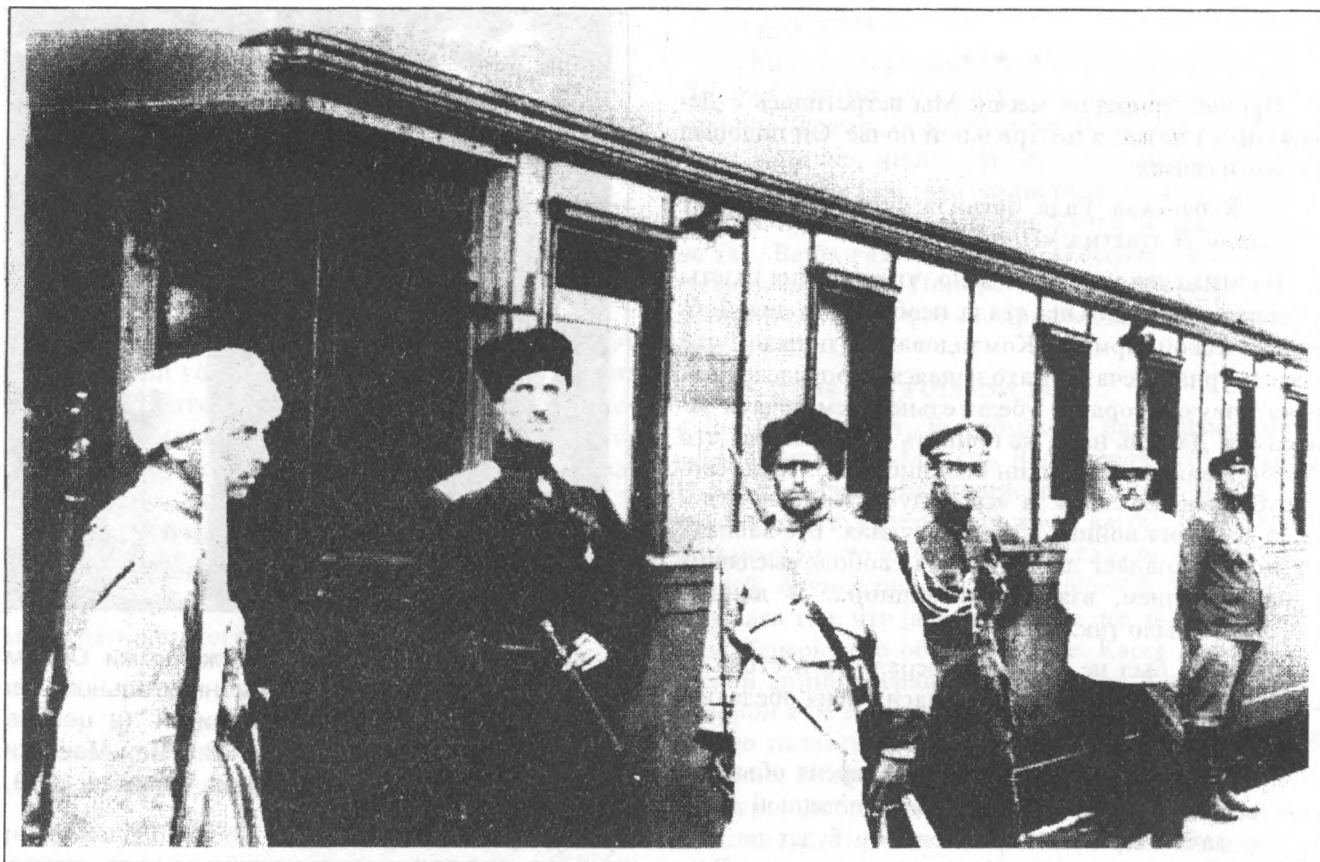
Из этого ничего не вышло. Потому что Колчак сам не имел реальной власти...

* * *

«Придите володети и княжити над нами!» — это летописец говорит про новгородского мудреца Гостомысла. Это психический тип, к которому принадлежал Антон Иванович Деникин. Он просил Великого Князя Николая Николаевича «прийти и володеть» над ним, Деникиным. И с той же просьбой обращался к адмиралу Колчаку.

Рюрик согласился «прийти и володеть» над Гостомыслом. Это психологический тип Врангеля. Когда Деникин просил его «княжити и володети» над Добровольческой армией, Врангель пришел и овладел положением.

Деникин тяготился властью. Врангель был рожден для власти.

Генерал-лейтенант барон П.Н.Врангель

* * *

В частности же, размолвка, которая произошла между Деникиным и Врангелем, имела такие причины. Она касалась основной стратегии. Врангель говорил:

— Бьют не растопыренными пальцами, а сжав их в кулак!

Кулак этот он направлял в сторону Москвы.

Деникин же, «растопыря» пальцы, сразу завоевал весь юг России, от Волги до Днепра.

Были еще и другие обиды. Во время гражданской войны кавалерия вернула себе то значение, которое она потеряла во время мировой войны. Почему так было, мне неясно, но это все равно. И вот образовался по масштабам гражданской войны громадный кулак — из двенадцати тысяч коней. Врангель был кавалерист, и естественно было ему ожидать, что кавалерия будет ему вручена. Но ее вручили кому-то другому... Мамонтову... Кто был этот Мамонтов, я не знаю... Но кавалерийский кулак дошел до Рязани. А оттуда Мамонтов телеграфировал в Новочеркасск:

— Возем Дону богатые подарки, иконы в драгоценных ризах.

А Деникин послал летчика. Тогда летание было трудная вещь. Но самоотверженный летчик все же нашел передовой отряд и передал письменное приказание возвращаться. Почему это сделал Деникин, я не знаю...

Я вспоминаю, что Врангель, когда я был у него в Царицыне, говорил мне:

— Несколько коней скачут к Москве. Кто будет впереди, неизвестно. Ваша задача в тот момент, когда выяснится, кто впереди, сейчас же переключить все надежды на передового!

Конечно, он думал о себе... И он был прав.

Ну, что еще? Когда уже все разваливалось, Врангеля послали вверх, против течения. Со свойственной ему жестокостью сверх-человека на железнодорожных станциях он расстреливал железнодорожных служащих, которые вывозили не больных и раненых, а всякую утварь...

Но ничего не помогало... Было поздно...

* * *

В связи со всем этим, но я не помню точно, когда это случилось, стало распространяться открытое письмо Врангеля Деникину. Он упрекал его во всех ошибках.

Это, конечно, был бунт. И Деникин был прав, когда приказал Врангелю покинуть Добровольческую армию. Да, Врангель подчинился и уехал в Константинополь.

* * *

Окончание этой распри двух людей разных пород произошло в Севастополе. Там собрались высшие чины Добровольческой армии, с Драгомировым во главе. Деникин, вполне добровольно, написал приказ из двух пунктов:

— 1. Армия потеряла веру в меня, я потерял веру в армию.

— 2. Назначая Главкомандующим Вооруженных сил Юга России генерала барона Врангеля.

Того самого Врангеля, которого он выслал...

* * *

Приказ был передан Врангелю английским адмиралом, который сказал Врангелю:

— Вас избрали Главкомандующим Добровольческой армией! Желаю Вам успеха, но должен одновременно сказать, что Англия больше не будет Вам помогать.

Врангель ответил:

— Если бы Вы, адмирал, не оповестили меня о прекращении помощи Англии, то я не принял бы избрания меня Главкомандующим Добровольческой армией. Но при создавшемся положении я обязан это сделать. Прошу Вас дать мне контрминоносец.

Контрминоносец вышел в море, имея на борту Врангеля...

* * *

Это было в семнадцатом или восемнадцатом [в 1918 г.]... Ну, словом, так... В Киеве, в моем скромном домишке, появлялось много народу. И люди высокие... высокие в смысле положения и высокие ростом... Однажды появились два очень высоких ростом человека. Один был герцог Лейхтенбергский. Другой — барон Врангель.

Что говорил герцог, я не помню. Но вот что говорил Врангель:

— Я пробовал говорить с немцами. Невозможно! Они предъявляют невысказанные требования. Что Вы думаете о Белой, Добровольческой армии?

Я дал хорошую оценку.

Врангель:

— Надо будет попробовать.

На этом мы расстались.

Это было первое знакомство с Врангелем. Он искал, куда приложить свои силы.

* * *

Скоро я сам отправился в Добровольческую армию, т.е. в Новочеркасск, куда и прибыл благополучно. Вслед за мной или раньше туда поехал Врангель. Ему дали, как кавалеристу, казаков. Тем более, что он был почетный казак... Это называлось Кавказская армия... Не могу припомнить, какое отношение она имела к Кавказу...

Врангель стал осаждать Царицын и взял его. Там он заболел, и там я с ним виделся.

Он по образованию был инженер. Я не помню, кончил ли он академию Генерального Штаба... Потом он был в каком-то кавалерийском полку... Не знаю... затем командовал казаками...

* * *

Врангель был «почетный казак».

Однажды я сказал ему:

— Казаки — молодцы, доблестные воины. Но ни для кого не секрет, что они грабители. Это у них в крови... Как Вам удалось, Петр Николаевич, отучить их от этих вековых навыков?

Он ответил примерно так:

— На войне есть некоторые особые минуты... Бывает так, что победа одержана, но именно благодаря умению и приказам какого-нибудь высокого начальника. Когда это ясно для какой-нибудь части, то этот счастливый начальник может приказывать все, что угодно. И вот такая минута была. Победа была одержана благодаря моим приказам, и это знали казаки. Вместе с тем мне доносят, что они начинают грабить. Я вскочил в седло и поскакал — сколько мог вынести конь — чтобы лично убедиться в том, что происходит. В каком-то городке мне удалось застать их врасплох... Грабят! Через десять минут восемь казаков было повешено... казаками же... Я был в это время бог! Бог не позволяет грабить! И кончено! Но этого невозможно было бы сделать при другой обстановке. И я такого приказа не дал бы. Потому что, если офицер, кто бы он ни был, дал приказание, и оно не исполнено, этот офицер уже не офицер... С него сорваны погоны.

* * *

Во время мировой войны состоял под командой генерала Скоропадского... Где-то мы наткнулись на германскую батарею, занявшую военный пункт. Они сделали каре и отбивались на картечь...

От великого разума Скоропадский решил взять пушки в конном строю. Послал первый эскадрон... Он лег, батареи не взял... вторым эскадронам командовал Врангель. Ему посчастливилось. Он взял батарею, чем прославился...

Кажется, тогда ему дали чин полковника и казачий полк. Но не было дел. Врангель рассказывал мне об этом... не помню когда... Показав на погоны, он спросил меня:

— Вы думаете, это что-нибудь значит?

И сам себе ответил:

— Ну да, в мирное время, при встрече во фронт и т.д. Но в военное время нужно другое... В каждой новой части нужно эти погоны зарабо-

тать. Что для этого надо? Надо доказать личное мужество. Чтобы солдаты говорили: «Он — герой!» А как его, это геройство, показать, когда нет боя? Тогда это надо сделать искусственно. Мы там пятичасовой чай пили на свежем воздухе, на скамеечках и на столиках... Туда нам прислали чай в стаканах. И вот приносят мне стакан чаю. В это время противник: бах! Шрапнель разорвалась неподалеку. Я спрашиваю: «Сколько кусков сахара положил?» — «Так что два, Ваше Высокоблагородие!» — «Сколько раз я говорил, что пью три... Ступай, принеси сахар!» — Шрапнель разорвалась с другой стороны. Солдат побежал, принес сахар. Еще где-то шрапнель... Я пью чай, а денщик потом рассказывал, конечно не без преувеличений: «Он бьет безо всякой пощады, а командир спрашивает: ты сколько сахара положил? Тут смерть, а он — сахар!» И полк стал говорить: «Он — герой!»

Публикация Н.Н.Лисового

(Окончание следует)

ДОКУМЕНТ ИЗ «РОССЫПИ»

БЕЛЫЙ УГОЛ

Конец 1919 года стал временем не только военных поражений, которые Вооруженные Силы Юга России терпели в неравной борьбе с армиями советского Южного фронта, но и поражений на «внутреннем» фронте, проходившем через умы и души людей. Деморализация, потеря нравственных ориентиров, шкурничество и паникерство, вообще характерные для тыловых районов всех Белых армий (ввиду неоправданно мягкого отношения их командования к подобным явлениям), усугубляясь неудачами на фронте, разрастались и принимали чудовищные размеры. Развивалось и дезертирство, особенно сильное в Донских казачьих частях, сражавшихся на центральном участке фронта. Если части Добровольческой Армии, хотя и разбавленные значительным числом мобилизованных и военнопленных, все же сохраняли известную спайку и внутреннюю дисциплину, если Кубанским и Терским казакам, несмотря на вообще свойствен-

ное казачьим частям весьма своеобразное понимание дисциплины и повышенное внимание к «военной добыче», было попросту слишком далеко до родных станиц, — то Донцы, воевавшие в непосредственной близости от дома, достаточно легко «теряли сердце» и, несмотря на значительный численный состав, не могли быть отнесены к числу надежных частей.

Не смогло поднять дисциплину Войска Донского и его командование. Атаман, генерал-лейтенант А.П.Богаевский, несмотря на все его несомненные заслуги перед Белым движением, не обладал необходимой для занимаемой им должности силой воли. Пожалуй, лучшую, хотя и очень ядовитую характеристику дал ему в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Я.А.Слащов-Крымский: «очень милый собеседник, хороший кабинетный работник, но без всякого знания строя и без всякой воли... Вообще, «милый человек» и никуда не годный атаман»¹.

Этими личными качествами главы Войска Донского в известной степени объясняется малая эффективность принимаемых мер и грозных приказов, направленных на борьбу с дезертирами и уклоняющимися от службы на фронте. Один из таких приказов, изданный в Новочеркасске 18 ноября 1919 года ² за No.1911, среди прочих мер предусматривал и попытку установить внешнее различие между «фронтовиками» и «тыловиками». Два пункта этого приказа гласят:

«8. Для отличия чинов тыла от чинов фронта, всем чинам штабов, управлений, учреждений, заведений и частей тылового района и учреждений работающих на оборону распоряжением Окружных Атаманов и Начальников гарнизонов не позже 1-го декабря на левом рукаве верхнего платья выше локтя нашить белый угол.

9. С первого декабря всех не имеющих белых углов в тыловом районе чинам войсковой и железнодорожной стражи задерживать, проверять документы и лиц без законных документов препровождать соответственно на распоряжение окружных атаманов, начальников гарнизонов и комендантов железнодорожных станций, а об имеющих законные документы сообщать в соответствующую часть для наложения дисциплинарного взыскания» ³.

Установленный этим приказом «белый угол» стал бы одной из любопытных страниц формоведения Белого движения, если бы... приказ был приведен в исполнение. Но сведений об этом не имеется, и это неудивительно, так как, скорее всего, в тяжелых условиях осени 1919 года и окружным атаманам, и начальникам гарнизонов было уже не до каких-то нарукавных нашивок. Предотвратить же дезертирство и развал тыла не удалось не только «милому человеку» А.П.Богаевскому с его «белым углом», но и военачальникам, прибегавшим к гораздо более крутым мерам, как, например, генералам П.Н.Врангелю и А.П.Кутепову.

... Пройдет три с половиной месяца, и мысль о введении подобных знаков различия придет в голову и Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России, генерал-лейтенанту А.И.Деникину. Незадолго до эвакуации Новороссийска он, объявляя город на военном положении, распорядился формировать из личного состава штабов, управлений, учреждений и чинов резерва роты и приказал:

«... Всем зарегистрированным чинам иметь на левом рукаве внутри добровольческого трехугольника ⁴ белый щиток с номером роты, в которой данный чин числится. Всем Начальствующим лицам и всем

Донской Атаман генерал-лейтенант
А.П.Богаевский

военнослужащим наблюдать за тем, чтобы не было самозванцев» ⁵.

Но для выполнения этого приказа судьба отвела еще меньше времени. До эвакуации оставалось лишь десять дней...

А.КРУЧИНИН

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слэцов Я.А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. — М. — Лг., [1924]. — Стр. 91. Такая оценка личности Атамана Богаевского в целом подтверждается и рядом других источников.

2. Все даты указаны по старому стилю.

3. См.: РГВА, ф. 39456, оп.1, д.75, л.23. Стиль и пунктуация документа полностью сохранены.

4. Имеется в виду шеврон национальных цветов (бело-сине-красный), бывший отличительным знаком Добровольческой Армии.

5. Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России от 3 марта 1920 года No. 2765, пункт 8 (см.: Вечернее Время. — Новороссийск, 1920. — No. 483, 4 марта. — Стр. 1).

ТУРКУЛ И МАНШТЕЙН

Нагрудный знак в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине (для чинов 1-го армейского корпуса)

озаренные одним светом любви к России и святой верой в ее воскресение, сделали эту книгу «Библией Белого Дела», как ее иногда называли. Жаль только, что «Дроздовцы в огне», недавно пришедшие и к отечественному читателю, в массовом сознании связываются лишь с личностью генерал-майора Антона Васильевича Туркула, чье имя стоит на обложке.

Конечно, бессмысленно было бы пытаться умалять роль генерала, который, используя свой авторитет последнего командира Дроздовской стрелковой дивизии, собрал уникальнейший фактический материал о том, как сражались, побеждали и погибали воины Белой Армии. Но было бы несправедливым и забыть, что выделило эту книгу из общего ряда белогвардейской мемуаристики — участие в ее создании замечательного русского писателя Ивана Созонтовича Лукаша.

Его имя запрятано в подзаголовок книги («Живые рассказы и материалы обработал Иван Лукаш» — 1-ое издание; «Картины гражданской войны 1918 — 1920 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша» — 2-ое издание) и бегло упомянуто генералом Туркулом в предисловии: «за помощь горячо благодарю всех соратников и моего неутомимого сотрудника, старшего унтер-офицера из вольноопределяющихся, Ивана Лукаша». А между тем роль И.С.Лукаша отнюдь не сводилась к простой обработке материалов, переданных ему генералом: слишком много в их книге страниц, на которых узнается литературный стиль и слог Лукаша, слишком часты прямые параллели с его более ранними произведе-

ниями и даже скрытые цитаты из них. Не будет большим преувеличением сказать, что своей заслуженной славой, своим неповторимым обаянием книга «Дроздовцы в огне» обязана не столько материалам Туркула (мемуаров и документов о Дроздовском и Дроздовцах немало и помимо них), сколько перу Ивана Лукаша.

Представляет немалый интерес и история знакомства и взаимоотношений генерала Туркула и старшего унтер-офицера Лукаша, ибо из предисловия к «Дроздовцам» можно сделать ошибочный вывод о том, что знакомство это состоялось лишь в 1930-ые годы, непосредственно перед началом их совместной работы над книгой. «Зимой 1933 года, по одной только памяти, я начал рассказывать писателю И.С.Лукашу, тоже участнику Белого движения, все, что живо запечатлелось мне о славной Дроздовской Дивизии», — писал Туркул. На самом же деле генерал «начал рассказывать» унтер-офицеру свои «впечатления о боевом огне» двенадцатью годами раньше, еще в Галлиполийских лагерях.

Публикуемый в «Военной Были» фрагмент из книги И.С.Лукаша «Голое Поле» (так было переименовано русскими солдатами иностранное слово «Галлиполи») и описывает одну из первых встреч писателя с генералом в 1921 году. Интерес к личностям негнбавемых Дроздовцев, обаяние героической Дроздовской легенды, некоторые дословно повторенные потом в книге Туркула и Лукаша эпизоды — все это позволяет увидеть в этом небольшом отрывке из главы «Белые птицы» исток будущих «Дроздовцев в огне», а быть может, и объяснить, почему именно Лукаша привлек впоследствии Туркул к обработке своих воспоминаний.

Впрочем, не только в этом — ценность и интерес предлагаемого вниманию читателей фрагмента. «Голое Поле» было написано менее, чем через год после эвакуации Крыма, когда еще не затянулись и не зарубцевались кровоточащие раны, еще не забылись и не поблекли чудовищные картины великого кровопролития, а напряженное и живое «ожидание России» еще не уступило места ностальгии изгнанников, при воспоминаниях о своей героической молодости неизбежно окрашивающих ее в романтические тона.

Живая человеческая боль кричит в страшных строках «Голого Поля», живописующих Гражданскую войну во всей ее бесчеловечной сущности, не пытающихся скрыть ее отталкивающее лицо за красивыми словами. И, являясь зерном, из которого вырастет впоследствии книга «Дроздовцы в огне»,

публикуемый отрывок в то же время представляет собой яркий контраст с подчас трагическими, но всегда светлыми страницами «Дроздовцев».

Есть ли здесь внутреннее противоречие? Вряд ли, ибо, несмотря на большую или меньшую обостренность восприятия, заставляющую прежде всего обращать внимание на те или иные стороны войны, — и жестокие строки «Белых птиц», и лирические страницы «Дроздовцев в огне» одухотворены одной верой в Россию и в то, что жертвы Белого воинства не останутся напрасными. Должно быть, именно это и сделало соавторами — самого чуткого и проникновенного писателя Русского Зарубежья и «самого страшного солдата самой страшной гражданской войны».

Действительно, Лукаш прекрасно знает о жестокой славе своих собеседников — Туркула и Манштейна, и не скрывает, что при разговоре с ними у него «тягостно на душе». Но то, во имя чего сражались, не щадя своей крови и жизни, эти молодые генералы, то, во имя чего умирали тысячи других таких же юношей, не успевших дослужиться до генеральских чинов, их общая живая боль — Россия — объединяет его с ними.

Показательно и различное отношение Лукаша к двум генералам. Туркул смешлив, крепок и уверен в себе, и общение с ним тяготит писателя, пожалуй, больше, чем с Манштейном, который воспринимается как фигура более трагическая, страдальческая

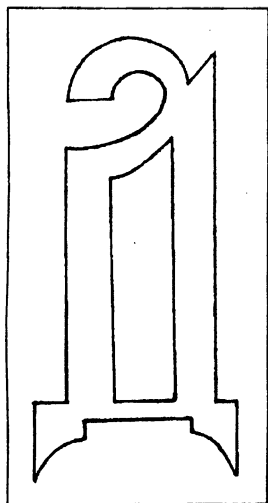
(несмотря на прозвище «Безрукий Чорт» и славу «истребителя комиссаров»). И действительно, через несколько лет генерал-майор Манштейн застрелится, не выдержав оторванности от России, тоски, бездействия, безрезультатного напряжения воли и сил.

А Туркул не застрелится. Он еще уйдет из Обще-Воинского Союза, создав свою собственную организацию — Русский Национальный Союз Участников Войны; он переживет не только своего соратника Манштейна, но и своего соавтора Лукаша, и еще будет в 1945 году формировать «казацкий корпус» для генерала Власова, а умрет в 1957 году, в Мюнхене, успев выпустить второе издание «Дроздовцев в огне» — книги, которая и увековечит имя этого — одного из многих, и не самого легендарного и талантливого — начдива Гражданской войны.

Судьба книги сложится счастливее, чем судьба ее авторов и героев. Она вернется в Россию, вернется побеждающей Белой Легендой, и по ней еще будут изучать Русскую Историю, хотя, быть может, правильнее было бы изучать Русскую Литературу. И именно поэтому важно вспомнить, что «Дроздовцы в огне» генерала Туркула начинались с «Голого Поля» унтер-офицера Лукаша.

А. КРУЧИНИН

(Публикация и предисловие)

Вензель генерал-майора М. Г. Дроздовского на погонах шефских Дроздовских частей (вариант)

Трубоч поет вечернюю зорю.

Я его вижу. Он стоит далеко синей тенью. Польша на меди трубы золото заката. Трубоч поет вечернюю зорю, высоко подымая трубу на четыре стороны света.

Зоря зовет кого-то из-за гор, из вечерней дымной дали. Подымаются короткими криками. Точно птица бьет багряними крыльями, порываясь лететь на закат.

Я ее вижу, четкую, синюю тень трубоча. Польша на меди багрянец. И не знаю я, о чем поет и кого кличет со всего света синий трубоч. Иду тихо к белым палаткам Дроздов. Передо мной по песку тропы движется моя длинная, вечерняя тень.

В палатке молодых генералов, Манштейна и Туркула, серый полусвет. Палатка глубоко врыта в гли-

нистую землю и надо сходить три-четыре земляных ступеньки вниз. В палатке влажный холодок погребя.

Дошатаый, непокрытый и длинный, как гробовая домовина, стол вдоль палатки. Посреди его, из круглого прореза доски, торчит коричневый столб, что держит палаточный шатер.

Как холодная келья, палатка молодых генералов, как каземат, где исписывают стены короткими и тоскующими стенами-криками, где режут и царапают на камне вензеля имен, молитвы и проклятья... У меня тихая тягостность на душе. Мне чудится, что под этим серым холодным шатром, низко у земли, бьются связанные птицы — гордые и страшные.

Генерал Туркул сидит у стола, закинув ногу на ногу. Чуть поблескивают его высокие и мягкие офицерские голенища. Крутая грудь облита темной гимнастеркой. Генерал узок в талии. Его длинные, крепкие пальцы, в ободках золотых колец, мнут нервно папиросу и обсыпают на стол желтый волокнистый табак.

Туркулу лет 25, и похож он на всех Корниловцев и Дроздов — всегда сухощавых, черноволосых и черноглазых. У Туркула маленькая, причесанная тщательно на пробор, литая голова, узкий нос с горбинкой и черная нитка усов над молодым ртом с

Генерал-майор А. В. Туркул

обсохлыми губами. Он сидит, закинув голову, и в сером полусвете чуть ощерен его рот, и тускло поблескивает золотая пломба зуба.

Я смотрю, как он смеется, отчего вниз от раздутых крыльев носа пролегают до губ глубокие черные складки. Я смотрю, как он просто и шумно, полсолдатски, сплевывает. Смотрю в его глаза. Неуловим их цвет. Коричнево-серые с железным отливом. И чувствую я меж его и моими глазами зыбкую стеклянную стену.

Генерал Манштейн опер подбородок о руку. Другой руки у Манштейна нет до плеча. Генеральский погон висит на одной пуговке.

Манштейн рыжеватый шатен. Ему лет 28. Лицо его по-актерски выбрито. Страдальчески, как у Гаршина, приподняты черные бровки, и чудится мне, что его молодое лицо, как трагическая маска всех невысказанных страданий Белой Армии... Вот точно поднял он усталые глаза от ветхой Книги Бытия, и горит в страдальческом взгляде невысказанная печаль.

Туркул говорит провинциальным говорком. Он говорит «вы́соко» вместо «высоко». Он сплевывает через зубы на земляной пол. Плечистый и смешливый, он похож на грубоватого юнкера. Он похож на провинциального семинара, вышедшего в гвардейские прапорщики.

Генерал Туркул и генерал Манштейн — самые страшные солдаты самой страшной гражданской войны. Генералы Туркул и Манштейн — это дикое безумие дроздовских атак во весь рост без выстрела, это немое бешенство непобедимых дроздовских маршей. Генералы Туркул и Манштейн — это беспощадные массовые расстрелы, лохмотья кровавого мяса и подбородки, раскроенные вороненой рукоятью нагана, и гарь яростных пожарищ, вихрь безумия, кладбищ, смерти и побед.

Генералы Туркул и Манштейн — нечеловеческое бесстрашие храбрецов, миф о Дроздах, что боевых героев ставили под расстрел за украденную мужицкую курицу, что ходили под огонь пулеметов не сгибаясь, что одним ночным переходом и мгновенной атакой сметали красные дивизии.

Туркул и Манштейн — героический и смертельный полет Белой Армии. Полет израненного орла, обреченного смерти.

Туркул и Манштейн — мифическая оборона Крыма, линия огня, линия крови, отступлений в слепую вьюгу, стремительных атак, падений, полетов, беспощадной борьбы до конца, до последней обоймы, до последнего вздоха, до последней мертвецкой корчи.

Туркул и Манштейн — мальчишки-офицеры. И может быть, Туркул не больше чем брошенный в пекло революций, войн, провинциальный семинар, выросший до масштабов исторического героя, легендарного солдата, живого мифа Белой войны.

Манштейн страдальчески подымает узкие бровки... Манштейн — Безрукий Чорт, холодный, как машина, истребитель комиссаров. Манштейн — героическая легенда Белой Армии. Манштейн — страшная выдумка огня, смерти и крови. Манштейн — дыхание, сердце, ритм Белого боя.

Манштейн — худенький бритый офицерик, пехотный мальчик-поручик, какие погибают без крика, без имени, без следа в первом же бою, вдохновенно и радостно усмехаясь своей молодой смерти. Погибают среди миллионов других таких же бесследных, для которых история не оставляет даже буковки петита на своих страницах.

Манштейн, бритый, безрукий пехотный поручик, случайно не погиб в первом бою. И потом во всех боях сохранила его для себя история, приберегла, выбрала из миллионов бесследных — как символ, как отмеченного избранника и любимца.

Еще генерал Деникин произвел в генеральские чины отца Манштейна, старого армейского полковника, добряка и доброго собеседника за стаканом доброго старого вина. Произвел его в генералы — «за героические подвиги сына».

Старик Манштейн ходил за сыном в бой и подавал под огнем пулеметные ленты. Сын и отец часто сживали на бивуаках за одной бутылкой вина. В бой ходил и еще один Манштейн: маленький кадетик, внук Манштейна-старика от другого сына.

В одном бою внук был ранен. Упал, трепеща от боли, а потом пополз к деду и стал звать его сквозь стиснутые зубы:

— Дедушка, слышишь, я ранен.

Старик Манштейн подтянул его на свою тачанку, уложил на солому, шинелью накрыл и говорит, поглаживая его горячую мальчишескую голову:

— И хорошо, что ранен. Так и надо, что ранен. И ничего, что больно. Терпи, солдатушко...

Генерал Манштейн приподнял тонкие бровки, сжал их страдальческой складкой и смотрит поверх моей головы в высокое окно, в даль. Он точно не слушает, что рассказывает Туркул.

— Помню я нашу атаку на красный татарский полк,— рассказывает Туркул. — Мы поднялись, встали и двинулись без выстрела. Татары залегли у станции... Наши атаки всегда встречали беспорядочным огнем. Хлестали пулеметами, а мы шли и знали, что не выдержат нашего ровного шага и нашего молчания. А здесь идем, а навстречу нам — тишина. Приближаемся — тишина... Кое-кто начал замедлять шаг, кое-кто, волнуясь, заспешил. Все волнуются. Тишина... Идем без звука... И в ту секунду, когда, может быть, мы не выдержали бы тишины и бросились назад, татары поднялись, машут руками, втыкают в землю штыки. И не кричат, а как-то повизгивают от страха... Тогда мы весь их полк целиком взяли.

— А помнишь, как курсантов захватили? — двигает тонкою бровью на Туркула Манштейн.

— Еще бы, — говорит Туркул и откашливается. — Их-то не щадили. Да они и сами не просили пощады.

— Они очень хорошо дрались, — мягко, чуть заикаясь и подбирая слова, вмешивается в разговор Манштейн. — Там много прежних кадет среди курсантов. Из кадетских корпусов пошли в красные курсанты, как пошли бы в юнкерские училища. И еще мальчишки-коммунисты. Одного, помню, повели на расстрел, а он смеется и поет «Вставай, проклятьем заклеянный...»

Манштейн снова задумался и лицо его понежнело.

— Знаете, ведь много приходилось расстреливать, — говорит Туркул... — У меня в полку есть целые роты из пленных красноармейцев. Беспощадный отбор приходилось вести. Выстроишь пленных и спрашиваешь: «Коммунисты есть?» Молчат. Подходишь к первому: «Есть коммунисты?» Отвечает: «никак нет». «Расстрелять». Отведут и расстреляют. Спрашиваешь следующего: «есть?» — «Так точно,

Генерал-майор В. В. Манштейн

есть». — «Кто?» — «Вот этот», а другие покрикивают: «и этот. И тот сукин сын»... До десяти коммунистов на сотню пленных приходилось расстреливать. Остальные делались прекрасными, бесстрашными, железными солдатами...

Я смотрю на Туркула. Стеклозванная зыбкая стена между мною и им. Невидимая стена между нами... Провал крови, трупного чада, окаряченных мертвецких рук, разбрызганного желтоватым студнем мозга. Этот черноволосый, с узкой талией юноша — исчадие войны, какова она есть, какой она будет всегда. Войны без розовых слов и без белых перчаток. Видно, что не поцелуи надушенных аркадских пастушков и не игра в оловянные солдатки — человеческая война, зверь бряцающий. Исчадие лязгающей смерти, рева пожаров, вопля расстрелов и ярости бряцающего шага атак, этот черноволосый мальчик. Это человек другого радиуса, другого измерения жизни. Говорит он спокойно, не торопясь, и чуть ощерен его рот и тяготит меня почему-то его тускло поблескивающая в сером полумраке золотая пломба.

Манштейн легко поводит на меня страдальчески приподнятой бровью и вдруг улыбается мягко и робко.

Генерал-майор В.К.Манштейн старший ("Дед")

— Да, много смерти. Очень много смерти... И, знаете, все умирают молча. Поставят под дуло винтовок, и они жмутся, без звука. Бледные и понурые. И не крестятся.

— Только, как бы сказать, — интеллигенты, что ли, — те пощады просили, — прибавляет Туркул. — Разные красные командиры и разные политкомы. Омерзительно унижались. Сапоги целовали. Называли вашим высокопревосходительством.

— Да, — мягко соглашается Манштейн. — А так, все умирают молча, понуро. И я не знаю, почему они так умирают. Привыкли за несколько лет смерти.

Генералы вспоминают... Вспоминают, как едва не захватили легендарного командира красной конницы Гая, вахмистра из калмыцких казаков. Гай бежал, а автомобиль его вместе с шофером достался Дроздам. Шофер, — кто его знает, может быть и коммунист, — стал генеральским шофером и часто ночью возил их в одиночку, неизвестными полевыми дорогами. В Севастополе, когда уходили, шофер просил разрешения остаться, и ему разрешили...

Генерал Туркул закуривает папиросу и откашливается.

— Вот, а теперь стоим здесь. Но я знаю, что как только услышат команду в поход — все встанут и пойдут. Все ждут напряженно, чтобы встать. Есть и такие, что не выдерживают. У ме-

ня в полку восемь офицеров застрелилось. Хорошие все офицеры. И не оттого, что жить плохо, что жить скудно или скучно, а оттого, что тоска по родной земле. Тоски не выдержали.

Стрелялись потому, что напряжения не выдерживали. Души лопались. Армия — это действие, это движение и борьба, а не замкнутая стоянка. Люди из армии, войны, офицеры годами, ото дня на день, бросали смерти свою жизнь, как ставку. И за такую ставку требовали всей жизни до-полна, брали жизнь лихорадочно и стремительно. И если бы мог еще терпеть замкнутую недвижность ожидания бездейственный штатский, какую силу души надо собрать, до какой высоты напряженного духа надо подняться этим действенным людям, этим людям, менявшим каждый день свою жизнь на смерть, этим, замкнувшимся теперь в Галлиполи, людям из Армии?

Туркул рассказывает о самоубийствах, а я вспоминаю почему-то того молодого гвардейского офицера, с которым вчера познакомился в Галлиполийской кофейне. Гвардеец говорил мне, позвякивая длинным точеным ногтем мизинца о край стакана:

— Часто о Петербурге думаю. Внезапно, без всякого повода. Вдруг поплывут в глазах набережные, какая-нибудь улица на Петербургской стороне, у которой и название забыл. И до острой боли хочешь вдруг бокал хорошего старого вина, тонкого запаха духов. Это — страшно. Это все незаметные испытания. Это прошлое. И надо много сил, чтобы не думать, очень много сил... Но мы вышли из прошлого. В Галлиполи с нас смылся нагар гражданской войны, умерло прошлое. Мы какие-то голые здесь. Мы не старая царская армия и не армия гражданской войны. Мы новое. Мы живем одной обнаженной болью, что нет нашей милой России, но что она будет; какая — не знаем, только не та мертвецкая, что сегодня...

— Напряжены все, — говорит и Туркул, делая глубокую затяжку папиросой, — так напряжены, что хоть походом иди на Константинополь. Ведь мы его могли бы взять и, захватив суда какие ни попало, обратно в Россию... Мы ждем мирного дома, мы ждем России...

Легко и страдальчески поднимает узкие брови генерал Манштейн и смотрит далеко-далеко, мимо нас, в просторы.

— Да, Россию ждут...

Ждут. И до бела накалены души недвижным ожиданием. И у некоторых лопаются, а у других твердеют, как несгибаемая сталь... Рассказывают, что совсем недавно, когда уже все знали, что Галлиполийскому сидению конец, когда знали, что армию продвинут на Балканы, — юнкера одного из училищ, эти безусые, на подбор здоровые, крепкие,

загорелые кутепчата, — стали вдруг рыть себе землянки для зимней стоянки, да Кутепов запретил особым приказом.

Загорелая белозубая молодежь, эти русские гимназисты, реалисты, студенты, вышедшие из доменной печи боев, — не боятся ни зимы, ни голода, ни тоски, ни тифа. Они будут стоять, они землянки выроют, они на дожде будут спать, они будут стоять, пока нет приказа идти. Ожидание России... Трепет ожидания в дыхании белых птиц, в шелесте знаменных кистей, свисающих с древков. Ожидание России в зовущем полете вечерней зори, что поет на все четыре стороны света синий трубач. Оно в каждом тихом взгляде. Оно во снах, в неслыханных молитвах, о которых знают только белые птицы, что пали, раскинув крылья, легкими рядами по синей долине.

Туркул и Манштейн провожают меня... Я понимаю теперь, почему мне казалась их генеральская палатка холодным казематом, где стены исписаны немymi криками вензелей и проклятий, где нетерпеливо бьют крыльями гордые и страшные пленные птицы. Я понимаю теперь, почему в лагерях были сплетни о попытке этих генералов учинить поход на Константинополь. Понимаю и то, как раз ночью зимой вдвоем бросились они в ледяную воду в атаку на

французский миноносец. Сидели в кофейне у мола. И внезапно решили взять атакой миноноску, маячущую у мола в тумане сторожевыми огнями. Выхватили наганы, оба прыгнули, поплыли... Их поднял на борт русский баркас, а они недовольно ворчали.

Они идут рядом. Пронесется у меня их рассказы из-за стеклянной зыбкой стены, пронесется их короткие, спокойные слова о великой крови. Яжимаю руку Манштейну и, заметив ободок обручального кольца на сухом пальце, спрашиваю:

— Простите, вы женаты?

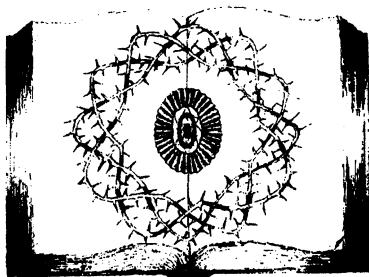
— Да. Жена со мною, а девочка моя умерла...

Белые птицы замерли в долине. Синяя ночь опускается с гор и уже расстилает над птицами свои синие нежные ризы, униженные звездной пылью.

Я знаю, что стоят часовые у соломенных шатров, где дремлют свернутые знамена. О прекрасной родной земле шепчут звездам ключья вековой знаменной парчи.

И слушают часовые ночь, звезды и шепот парчи.

1921

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№5 (134)

1994 г.

ОТ РЕДАКЦИИ	1
<i>В.М.Ткачев</i>	
КРЫЛЬЯ РОССИИ (Фрагменты из книги). Публикация и предисловие А.Махалина.....	2
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В РИСУНКАХ Н.С.САМОКИША	12
<i>Сергей Вакар</i>	
КАВАЛЕРИЯ	18
<i>В.Дуров</i>	
СОЛДАТСКИЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КРЕСТЫ В 1917 ГОДУ	19
<i>П.Лилленурм</i>	
ПСКОВСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС: НАЧАЛО БЕЛОЙ БОРЬБЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1918).....	22
<i>А.Кручинин</i>	
К ИСТОРИИ КАДРОВЫХ ЧАСТЕЙ 34-ой ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ В 1919 - 1920 ГОДАХ	28
<i>В.В.Шульгин</i>	
ДЕНИКИН И ВРАНГЕЛЬ. Публикация Н.Лисового	31
ДОКУМЕНТ ИЗ "РОССЫПИ"	
БЕЛЫЙ УГОЛ	36
<i>Иван Лукаш</i>	
ТУРКУЛ И МАНШТЕЙН	38

Главный редактор А.КРУЧИНИН

Соучредители А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А.КРУЧИНИН

Художники А.ПЕТРОВ, В.ТИТОВ, И.ШИРЯКОВ

© "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", 1994

Адрес редакции: 109457, Москва, ул. Ф.Полетаева, д.8, корп. 2, кв. 46

Перепечатка только с разрешения редакции.

При перепечатке ссылка на "Военную Быль" обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Свидетельство о регистрации No. А-0154 от 10 декабря 1992 г.

Типография ГПИБ. Заказ 159. Тираж 250 экз.